

Элен Гизан-Деметриадес

Незримое присутствие

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ
ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

МОСКВА

Hélène Guisan-Démétriadès

La tierce présence

Caux Edition

ISBN 5-89647-041-X

Элен Гизан-Деметриадес

НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Перевод с французского

Ирины Боролиной и Александра Рыбакова

Редактор: Марина Федорова

Верстка: Татьяна Непомнящая

Оформление: Евгений Тихонов

Данный перевод французского издания
La tierce présence. Hélène Guisan-Démétriadès.
публикуется с согласия издательства
Caux Edition, Suisse, 1994

Книга Э.Гизан-Деметриадес сложилась из нескольких эссе. Она объединена общей идеей духовного возрождения человека на основе прощения и примирения. С неподдельной искренностью автор рассказывает о себе, о сложностях своего духовного становления. Рассказ о своей жизни автор тесно увязывает с общественными и нравственными проблемами, волнующими человечество на пороге третьего тысячелетия. В 1995 г. книга «Незримое присутствие» была отмечена премией Французской академии наук.

На обложке: Горный дом в Ко (Швейцария)

© Caux Edition, 1994

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея 2000

Содержание

От издательства	6
Предисловие	10
Внутреннее веление	12
В поисках идентичности	19
Смерть отца	30
Не ангел, не зверь	34
Материнство	43
Сила прощения	49
Воскресение	56
С лампой в руке	63
Воплощенная любовь	71
Незримое присутствие	75
Разговор о могуществе	82
Мир, нуждающийся в спасении	88
Царствование или Царство?	90
Творческое видение	95
<i>Григорий Померанц. Прикосновение к Незримому</i>	101

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Элен Гизан-Деметриадес широко известна в Швейцарии и как общественный деятель, чья работа связана с движением «Моральное перевооружение», и как писательница, автор многочисленных публицистических и литературно-критических статей. Книга, которую мы предлагаем вниманию читателей, в 1995 году была отмечена премией Французской академии.

Гречанка по крови, православная по вероисповеданию, волею судьбы она стала швейцаркой. Шестилетнюю Элен родители, вынужденные эмигрировать из Греции после первой мировой войны, привезли в страну Альп, и эта страна дала ей все: родину, семью, прекрасное образование (Элен окончила Лозанский университет), положение в обществе.

В какой-то момент, после личной трагедии – потери сына – она вдруг ощутила «внутреннее веление» взяться за перо, чтобы поделиться своими чувствами и мыслями с другими – друзьями, близкими, знакомыми и незнакомыми. «После долгих лет молчания, – говорит Гизан, – я посвятила себя изменению мира, меняя себя, отдаваясь движению “Моральное перевооружение”».

Движение это, основанное в 1946 году Фрэнком Бухманом, вдохновляется высокими моральными идеалами. Оно открыто для людей любой веры и национальности. Его цель – изменение мира через изменение человека; это школа совершенствования, где каждый учится уважать нравственные и духовные ценности других и делиться своими. Участники движения ведут диалог там, где раньше царил антагонизм, пытаются излечить

людей от предрассудков и ненависти, начиная с семьи, и кончая отношениями между государствами.

Книга «Незримое присутствие» сложилась из эссе — искренних, взволнованных рассказов о своей жизни, о сложностях духовного становления. Но она далеко выходит за рамки автобиографических записок. Рассказы о себе здесь тесно переплетены с проблемами, глобальными и локальными, волнующими всех и всегда.

«Мы не знаем, находимся ли в начале или в конце своей истории. Переживает ли человечество рассвет планетарного общества, когда оно сумеет, наконец, прокормить и воспитать миллиарды человеческих существ... или же нам угрожает исчезновение, связанное с отравлением морей, парниковым эффектом, озоновыми дырами и прочим? Никто не может этого сказать. Несомненно одно: впервые мы можем сделать выбор между жизнью и смертью, подходя к этой проблеме сознательно, в глобальной перспективе», — пишет Элен Гизан.

Глубокую озабоченность писательницы вызывает состояние современного общества, его нездоровье — рост наркомании, насилия, преступности. Причины этого для Гизан очевидны: «Ценности, определяющие наше общество, отнюдь не способствуют его расцвету. Сила, могущество, престиж, деньги, секс, успех — вот те идолы, которым мы ежедневно приносим в жертву нашу радость и наше спокойствие».

Особое внимание Гизан уделяет проблемам, связанным с положением женщины. Вместе с уравниванием в правах мужчин и женщин появились тревожные тенденции. Сегодня многие женщины, особенно в больших городах, страдают от нервного напряжения, переутомления, подвержены депрессиям, злоупотребляют лекарствами и алкоголем, все чаще ощущают себя одиночками. Есть ли выход из этой ситуации? Да, говорит Гизан. «У нас есть замечательная возможность возродить наш мир, вновь оживить его там, где мы находимся, — в домах, на полях и заводах, в парламентах и министерствах.

Вместо того, чтобы дублировать мужчину в погоне за властью, деньгами, производительностью, мы можем увлечь его за собой в другом направлении, производя переоценку ценностей нашего времени и утвердив значение скромного, реальность невидимого, приоритет «быть» над «делать», царство Духа».

Один из историков церкви сказал о ком-то, что этот человек «религиозно-музыкальный». Это же можно сказать об Элен Гизан-Деметриадес, которая, несомненно, обладает «абсолютным религиозным слухом», а потому многие знаки свыше ею услышаны. «Научиться слушать — первый акт веры», — это заключение основано на ее личном опыте. Однако принятие Бога пришло к ней не сразу. И если на первых страницах мы читаем, что она делает только первые шаги к постижению Божественной сути, то в конце книги Элен предстает человеком глубокой и пламенной веры.

Гизан убеждена, что духовное возрождение каждого человека возможно только на основе усвоения и исполнения евангельских заповедей. Именно вера, говорит она, помогает постичь «творческое намерение Бога относительно человечества», а нравственный пример позволяет вовлечь в процесс личность, создавая предпосылки для принятия ею «божественных реалий завтрашнего дня».

Мы надеемся, что мысли Элен Гизан-Деметриадес будут близки и понятны многим россиянам. И словно к каждому из нас обращены ее слова: «Мир следует делать и переделывать каждый день, с огромным напряжением, по образу и подобию Царства Божия, то есть мира, соответствующего воле Бога. Он завещан нам в своем постоянном обновлении. Уже сегодня к нам могут прийти мысли, которые помогут его перерождению. Уже сейчас есть громадный потенциал для несущего, которое, однажды вызванное из небытия как некий абстрактный образ, воплотится в определенные формы».

Моим дорогим детям

Предисловие

Я просыпаюсь, вижу спокойное море и говорю: спасибо. Спасибо за красоту земли. Спасибо за высокие хлеба, золотящуюся пшеницу, за сияние земли над стеной из сухих камней. За едва различимый вдали силуэт пасущейся белой лошади... В небесную высь устремились олеандры. Ветер стих. Слышен плеск морских волн... Я — песчаный берег... Накатывает волна, накрывает меня, отступает, накатывает снова. И так непрерывно, бесконечно...

Писать? Оставить нынешнее мирное счастье, чтобы нырнуть в память на поиски затонувших сокровищ? У кого нет своего «Титаника»? Жизнь по сути своей — затонувший корабль с заржавленным форштевнем, темными коридорами вдоль осевших кают, в одних двери распахнуты настежь, у других закрыты навечно, скрывая тайны прерванной любви или преждевременной смерти. Рыбы проскальзывают украдкой среди белых венчиков, покачивающихся в этом безмолвии былого.

Что же вынести на поверхность? Обломки жизни, осколки воспоминаний, поблескивающие на песчаном дне? Но сохранят ли они, выставленные на свет, что-то от своего подводного блеска?

Однажды в гостиничном номере я услышала записанный на кассету голос женщины. Это был голос актрисы Мод Морен. Она разговаривала со своим сыном, актером Патриком Девером, пустившим себе пулю в лоб в приступе гнева. Я тоже потеряла сына. Семь лет назад... Полная отчаяния, иступленно рыдая, я десятки раз слу-

шала одни и те же фразы, пока не запомнила их наизусть. Что сказать? Меня потрясла ее вера, более простая и более сильная, чем моя.

И когда я испытывала колебания, писать или не писать эту книгу, эта вера подталкивала меня взяться за перо, чтобы и другие, возможно, когда-нибудь смогли почерпнуть из моих строк силу и веру в жизнь.

Внутреннее веление

Долгое время меня одолевало чувство глубокой тоски. Оно захлестывало меня на улице, заставляя плакать. Я не знала, как сдерживать слезы, как их скрыть. Иногда мне вдруг казалось, что я потеряла мужа и детей. Я видела их мертвыми. Иногда в воскресные дни, когда мы выезжали всей семьей за город, я боялась садиться в машину, испытывая страх перед возможной аварией, в которой все мои родные погибнут. У меня не было привычки говорить о своих проблемах, но на самом деле это была проблема.

А еще был сон, время от времени повторявшийся. Он неизменно был связан с лицензиатским экзаменом по литературе. Передо мной лежит чистый лист бумаги, тема незнакомая, и я не знаю, что писать. Иногда появляется гимназический преподаватель немецкого языка, с которым у меня в свое время были неприятности. Время идет, нужно сдавать работу. Я прилагаю невероятные усилия. Меня охватывает сильная тревога. Все понимая, я ничего не могу с собой поделать. Проснувшись, я с облегчением вспоминаю, что давным-давно сдала этот экзамен. Так что все это значит? Почему повторяется один и тот же сон, сделавшийся уже как бы частью меня самой? Неожиданное событие положило этому конец, освободив мое сознание.

Случилось это в год нашего переезда. Строили дорогу, которая должна была пройти через наш сад, разрезав его на две части, а затем, уничтожив наш дом, пойти дальше. Это означало одно: предстоит покинуть дом в Мон-Рено, расстаться с балконом на южной стороне, наря-

щим над багряным буком, и с другим балконом на восточной стороне, утопающим в глициниях и нависающим над пустотой, в которую мой четырехлетний сын однажды шагнул победным шагом. Я едва успела в последнюю секунду схватить его сзади. Все это уходило. Сад, друзья, старая тетья, доктор – весь тот мир, который должен был в скором времени рассеяться.

Нас ожидала другая квартира, требовавшая множества переделок. Для меня это означало очередную остановку в работе. Мне предстояло лишиться приемной доктора В., которую он отдавал в мое распоряжение на время своих отлучек. Этот зал, находившийся в квартире, расположенной под нами, был местом благословенным. Сюда я отправлялась каждое утро с книгами и тетрадами для записей.

Я работала над эссе, которое назвала «Разговор о могуществе», – именно такой представлялась мне тема нашего времени. В действительности речь шла о творческом воображении. Его сила представлялась мне рекой, которая, изменив направление, всячески стремится к господству над внешним миром, оставляя человека со всем его горем и тщетой. Я анализировала, используя примеры из литературы и живописи, сеть тех невозможностей, в которые человек сегодня сам себя запер наподобие одного из персонажей Сартра, воскликнувшего: «Я умираю, чтобы доказать, что жить невозможно».

Я, как муравей, с трудом пробиралась вперед сквозь дебри метафизики, литературы и теологии, время от времени откладывая написанный текст моих изысканий. Дети молились, чтобы мама успела написать свою книгу, а я бунтовала оттого, что сделала так мало, что должна постоянно отрываться из-за отсутствия помощи, из-за болезней детей и обязанностей, накладываемых на меня общественной деятельностью мужа. А тут еще эта напасть – переезд.

Я давала себе клятву, что как только мы переедем на новое место, милостей от меня больше не будет. Если понадо-

бится, пойду по телам своих близких, лишь бы только писать. Я уже видела себя перешагивающей, как на поле битвы, через тела, распростертые на ковровом покрытии.

После разборки вещей и избавления от фехтовального одеяния и сетей для ловли креветок, после клятвенных заверений никогда больше не собирать хлам в доме мне пришлось заниматься ремонтом, не забывая при этом о четырех своих детях от трех до тринадцати лет. Я чувствовала себя изнуренной.

Прошло два месяца, и мне представилась счастливая возможность сбежать на три дня из дома. Куда поехать? Можно было совершить бросок в Париж, посетить в швейцарском кантоне Тессине занятия по йоге или принять участие в движении «Моральное перевооружение» в местечке Ко над Женевским озером.

Год назад я уже сталкивалась с этим движением, когда заехала на один день в Ко, напичканная предубеждениями. К моему удивлению, они отпали сами собой. Я встретила здесь поющих юношей и девушек, прямых, как свечи. В отличие от меня они никогда не занимались изучением смысла и практических результатов вертикальной позиции, но у них тела подчинялись какому-то внутреннему велению. Я была поражена, слушая, как люди разного цвета кожи, принадлежащие к разным кругам общества, собираются переделывать мир, тогда как я со всей своей верой не могла переложить шпильку с одного места на другое.

В течение года я пыталась овладеть их секретом. Он, несомненно, состоял в том известном сосредоточении, с которого у них начинался каждый день. Следовать этому на практике оказалось, увы, нелегко. Нужно было подниматься раньше обычного, чтобы встретиться, так сказать, лицом к лицу с самой собой, прежде чем отправить детей в школу. Мне, откровенно говоря, это редко удавалось, а когда для такой встречи все-таки выкраивалось время, я безуспешно напрягала слух, чтобы услышать внутренний голос. Но до меня ничего не доходило, и я

использовала сэкономленное время, переходя на более практичные упражнения йоги.

Честно говоря, я не верила в возможность уловить какое-то Божественное послание. А те, кто утверждали обратное, не играли ли они самым искренним образом в вопросы и ответы? Конечно существовала Библия, полная мыслей и слов, бесконечный диалог человека с Богом. Но не было ли это способом общения, который годился две тысячи лет назад?

А что касается того, чтобы хоть один день прожить в абсолютной честности, чистоте, бескорыстии, Божественной любви — не было ли это еще более утопичным? Зачем же пытаться?.. Я должна была, однако, признать, что мысли, посещавшие меня во время моих редких сосредоточений, оказывались более глубокими, чем мысли обычные.

После некоторых размышлений я высказалась в пользу Ко и однажды в воскресенье на Троицын день отправилась в путь, не слишком представляя, что меня там ждет. Я не очень хорошо помню подробности этого первого дня. На экраны вышел фильм «Люди Бразилии», в котором вместо актеров участвовали докеры порта Рио-де-Жанейро. Я была слишком занята собой, чтобы уделять внимание эпической борьбе этих людей против коррупции в стране. Я так устала, что пренебрегла ужином, стремясь пораньше укрыться в своей комнате.

На следующий день я вдруг слышу как будто стук в дверь. Быть может это шум наверху? Возмущенная, бросаю взгляд на часы: четыре утра. Безобразие! Дадут ли мне здесь спокойно поспать?! Поворачиваюсь на один бок, на другой. Бесполезно. Что-то странное происходит со мной, будто голос произносит: «Встань! Оденься!» И так как я не двигаюсь, голос настаивает, становится все более навязчивым. Наконец, чтобы заставить его замолчать, я встаю и начинаю одеваться. На дворе едва рассвело. Не знаю, что делать. Сажусь за стол перед окном. Раскрываю Библию, читаю: «И взошел на гору, что»

бы помолиться наедине». Меня это никак не касается. Однако эта фраза меня тревожит. Может быть, я тоже должна подняться на гору, чтобы помолиться? Какой-то абсурд. Я могу помолиться и оставаясь на месте. Хватаюсь за стул в страхе от мысли, что нужно выходить из комнаты. Что я буду делать на улице в четыре часа утра? Стать посмешищем? А может быть, кто знает, я кого-то встречу? Тихонько выхожу из комнаты и оказываюсь в просторном коридоре, который ведет неизвестно куда. Я плохо знаю это огромное здание и, кроме того, совсем не ориентируюсь в пространстве. Единственная мысль — выйти отсюда и отправиться в горы. Иду по коридору, дохожу до первых встреченных мною ступенек, спускаюсь вниз на два этажа и обнаруживаю большую террасу, заставленную столами и садовыми стульями. Пытаюсь выйти наружу. Оглядываюсь и замечаю немного выше дверь, которая выходит на дорогу. Дверь заперта. Возвращаюсь обратно и в отчаянии сажусь на стул, влажный от росы.

Осматриваюсь вокруг. Рассвет радостного июньского дня. Альпы, овеянные слабой, плывут поверх легких полосок тумана. Все дышит тишиной и покоем. Мой взгляд блуждает по обширному фасаду, искрящемуся легкой радугой. Маунтен Хауз, Горный дом, Дом на горе. Эти слова звучат во мне. Мысли следуют одна за другой. Тебе нет нужды идти выше. Ты возшла на гору. Это — дом молитвы. Молись. И так как я не знаю, что сказать, начинаю читать «Отче наш». И слова эти отделяются от остальных и всплывают, как пузырьки: «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли». Здесь я останавливаюсь, понимая, что с этого момента беру на себя обязательство исполнить волю Отца моего, какая бы она ни была.

Течет время. Время, которого мне всегда недостает, сегодня в избытке. Я могу исследовать эти вечные моральные критерии. Они только инструмент измерения, неизменный метр, чтобы определить наше место перед лицом вечности.

Почему я отринула разом честность и чистоту, не знаю. Может быть, потому, что абсолютное бескорыстие при-

влекло мое внимание. Я никогда не рассматривала себя под этим углом зрения. Амбиции были уделом других. И тем не менее, вся моя жизнь промелькнула передо мной в мгновение ока, как если бы я собиралась умереть. Эти долгие усилия, чтобы выплыть, подняться выше других — в школе, в университете, своим писательством, во всем остальном, желание доказать самой себе свою самоценность. А та пресловутая книга, которую я хотела посвятить странам Восточной Европы и которую думала написать во славу Божию? Моя удача и слава Его — разве не сплетались они на всем протяжении до такой степени, что я была не в силах различить их? И поскольку все, что я делала, я стремилась делать по воле Бога, я сказала самым естественным образом: «Боже милостивый, я даю Тебе свою книгу, воля Твоя — писать мне ее или не писать, как того пожелаешь Ты».

И эта книга, которая была в моем сердце, моя плоть и кровь, мой высший долг в этой жизни, книга, которую я не выпустила бы из рук, даже если бы по мне проехал бульдозер, эту книгу я отдала в одну секунду, без всякого усилия и боли.

Затем я стала рассматривать себя в свете высшей любви. Это тоже было чем-то новым. Я никогда не думала быть отличной от того образа, какой создала о себе самой. Я считала себя такой доброй и такой любящей! И вдруг этот безжалостный голос, это мысль, неподвластная мне, которая рассуждает иначе, чем я, вдруг говорит мне: «Ты никогда не любила по-настоящему своего мужа». Что?! Ну уж это слишком! А что же я делала иное, кроме того, что любила его и жертвовала собою ради него? Разве я не поддерживала и не подбадривала его в стремлении сделать политическую карьеру в ущерб моим близким, в ущерб меня самой? Разве это не любовь? «О нет, ты всегда готова была совершать для него большие дела, но не малые, которые ему нужны и приятны. Любить — это давать другому то, в чем он нуждается, а не то, что хочется тебе». Мне понадобилось

больше года, чтобы проверить справедливость этих мыслей, и еще больше времени, чтобы научиться любить иначе.

Я возвратилась к себе с другим лицом, раскованная, сбросившая балласт самой себя. Мучительные опасения рассеялись, тоскливое сознание неразрешимости проблемы — все это ушло. Я больше не испытывала чувства страха, садясь с семьей в машину, понимая, что мое желание самоутвердиться, отстранив детей и мужа, порождало во мне невыносимую тревогу. Но с каждым днем все это проходило.

Голос, раздавшийся во мне, больше никогда так не звучал — в физическом смысле, однако, мысли, повседневные представления, вызванные тем, что я услышала, как и молитва, отныне питали и направляли мою деятельность.

Я не написала «Разговор о могуществе», — не была готова сказать то, что хотелось выразить. Нельзя говорить о Боге без Бога. Я видела главное: передо мной раскрываются перспективы более широкие, чем сочинительство, требующие от меня напряжения всех сил в мире, возрожденном дыханием Святого Духа.

Отныне мне было даровано смиренно прожить сюжеты моего исследования. И я, подобно многим другим, отдала себя служению созидательной идее Бога, у Которого есть план — для каждого из нас и для всего человечества.

Сейчас, по прошествии многих лет, другая книга написана во мне в слабости моей, и я могу сказать вместе с автором псалма:

Господи! Не надмевалось сердце мое,
и не возносились очи мои,
и я не входил в великое
и для меня недостижимое.
Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей,
как дитяти, отнятого от груди матери?
Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди.

(Псалом 130, стихи 1-2).

В поисках идентичности

Я знаю страну своего рождения только по фильму Пазолини «Медея». Он решил сделать Каппадокию родной волшебницы. Там Медея занималась волшебством, прежде чем последовать за добывшим золотое руно Язоном, в Грецию. Каппадокия – это обширная и отдаленная область в центре Малой Азии, восточнее Анкары, известная своими подземными городами. Турки и греки жили здесь бок о бок до конца первой мировой войны.

Своему отцу я обязана некоторыми воспоминаниями о моей прабабушке, которая в возрасте двадцати лет осталась вдовой с двумя сыновьями на руках. Их звали Продромос и Димитрий. Ее отец, по тем временам человек образованный, научил ее читать и писать. В своей деревне, где все говорили обязательно по-турецки, она стала знакомить крестьян с элементами греческого языка, используя книгу псалмов и литургические тексты. Крестьяне не принимали учительницу всерьез. Учительство, на их взгляд, было не женским делом.

Мои бабушка и дедушка по отцовской и материнской линиям, жившие в Каппадокии, в деревнях Андроксион и Малакопе, расположенных в округе Цесарея, эмигрировали в конце прошлого века в столицу тогдашней Турции Константинополь, теперешний Стамбул.

Это был город-космополит на стыке Востока и Европы, с сильными и активными меньшинствами греков, армян и евреев, занятых в торговле, производстве или избравших свободные профессии.

В 1918 году войска союзников победоносно вошли в Константинополь, и греческие флаги заколыхались на улицах города, где царило ликование среди тех, кто ждал этого дня на протяжении пяти веков. Однако их радость была непродолжительной. Греция, которая стремилась сохранить статьи Севрского мирного договора 1920 года и отвоевать земли, где жили греки со времен Византии, пустилась в безумную авантюру, двинув измотанную десятилетней войной армию к сердцу Турции. Моя память еще хранит воспоминания об этих событиях. Мне было пять лет. Мы проводили лето в своем доме в Халке (Хейбели Ада), на одном из Принцевых островов в Мраморном море. В доме не было электричества. Преодолевая страх, я спускалась в темноте по ступенькам, ведущим в кухню, чтобы присоединиться к старшим братьям, родным и двоюродным, слушавшим взволнованные рассказы кухарки, в которых восхвалялось продвижение греческих войск.

В действительности же это был разгром или, если смотреть с другой стороны, победа генерала Ататюрка, основателя современной Турции. Бегущая в беспорядке греческая армия свернула к побережью и городу Смирне (Измиру), населенному греками. Турки подожгли город с четырех концов, и все жители погибли во время пожара и последовавшей за ним резни. Это явилось сигналом к исходу. Полтора миллиона греков покинули навсегда ионическую землю.

У моего отца был брат, живший в Швейцарии. Отец решил отправить туда жену и детей на несколько месяцев, пока устроятся дела. Мне вспоминается отъезд, плотная толпа на платформе вокзала. Отец поднял меня высоко, чтобы поцеловать в последний раз. Я помню долгое путешествие, три дня и три ночи, в восточном экспрессе. Мать носилась как безумная по поезду в поисках моего старшего брата, живого и любознательного мальчика, который на каждой станции делал вид, что выходит.

На примере своих родителей, особенно отца, приехавшего к нам в Лозанну через два года, я прочувствовала, что такое эмиграция — это ссылка — одиночество и неуверенность людей, лишившихся своей страны. Моим родителям пришлось жить в ограниченном человеческом пространстве, вдали от родной земли, друзей, родственников, рассеянных в разных концах Европы, в те времена, когда люди не путешествовали так легко, как сегодня.

Мое ощущение ссылки находит концентрированное выражение в образе отца, человека 53-х лет, слишком старого, чтобы создать себе положение в период острого кризиса и безработицы. Я вижу его сидящим в столовой в кожаном шезлонге. Перед ним коробка для игры в триктрак. Он играет сам с собой, двигая шашки — свои и воображаемого партнера, кидает игральные кости и плотно укладывает белые и черные жетоны на деревянной доске. Звук передвигаемых по дереву шашек — это первое, что я слышу, возвращаясь домой из школы. Это невыносимо. Я предпочла бы лучше не возвращаться, нежели слышать эти звуки.

Да, ссылка — это он, мой отец, вырванный из того теплого и шумного мира, каким был Константинополь, город деловых людей, рассыпавшихся по «ханам», внутренним дворам, где шла торговля и заключались сделки. Отца знали. Его слово имело больший вес, чем любые подписи на документе. Он закупал ткани в Лилле, Рубе, в крупных центрах текстильной промышленности Германии и Англии для последующей их перепродажи на Востоке, в городах Самсуне, Трапезунде, Алеппо, путешествуя в молодые годы верхом или в карете на перекладных по горным дорогам, кишевшим бандитами. Теперь же он был заточен в маленьком сонном городке, который не знал, что с ним делать.

Ссылка — это также постоянное ощущение непрочности твоего существования, это жизнь сегодняшним днем. Всякий раз, когда нужно было приобрести какую-то хо-

зайственную мелочь, мать задавала вопрос: «А стоит ли покупать, раз мы все равно уедем?» Именно тогда, в годы юности, я осознала собственный статус иностранки. Я не очень хорошо представляла, кто я такая, к какой нации принадлежу. Я совершала рейсы между миром дома с его языком, едой, религией, с его праздниками, правилами, запретами — и миром школы, где, к счастью, смешивалась с другими. Я жадно искала себе родину, читая по памяти стихи Поля Форта — анфиладу знаменитых имен и достопримечательностей Франции.

В то же время я сознавала, что все это не было вехами моей истории. А впрочем, какой она была, моя история? Хотя по языку и религиозной традиции я была гречанкой, я не знала Грецию, я там не родилась. Моя родная земля находилась в другом месте, утраченная, потерянная навсегда. На самом деле единственной моей страной были мои друзья. Я хваталась за них всякий раз, когда поднимался вопрос о переезде в другое место.

Вспоминаю школьный лагерь, где мы всем классом праздновали получение свидетельств об окончании учебного заведения. Было это первого августа в Бушийоне. В течение дня мы собирали хворост, складывая его в кучи на песчаном берегу, чтобы ответить на другие костры, которые зажглись вскоре на горных гребнях. Вечером, когда горящий хворост весело потрескивал, мои друзья распевали патриотические песни. Как это было чудесно — сидеть вместе вокруг костра, наблюдая за искрами, терявшимися в ночи, как и наши голоса. Я тоже пела вместе со всеми, но чувствовала себя чужой.

Только во время второй мировой войны после двукратного обращения к властям была установлена моя греческая национальная принадлежность. В этот период я преподавала древнегреческий язык и переводила авторов греческих трагедий. Я была очарована лиризмом трагедий и тысячелетней преемственностью языка, который был и моим языком. Естественно, я переживала драму греческого народа, его героическое со-

противление итальянцам на албанском фронте, затянувшееся почти на шесть месяцев, а также борьбу против немцев в Греции и на Крите, за которой последовали годы оккупации и голода.

Страна моя! Я не могла соединиться с ней, но вдруг она сама пришла ко мне в 1943 году в лице греческих солдат, бежавших из итальянских лагерей после падения Муссолини. Поскольку Швейцария считалась страной нейтральной, они были интернированы, однако позже все желающие получили разрешение работать у крестьян в деревнях. Мы могли встречаться с этими солдатами, навещать больных в госпиталях. Одни выздоравливали, другие умирали. Так я впервые в жизни встретила греков, жителями островов, городов и деревень. Именно они, каждый со своей судьбой, привязали меня к моей стране.

В конце войны я внутренне была готова, как только позволят обстоятельства, переехать в Грецию и там служить ей как можно лучше. Но именно тогда я встретила человека, ставшего моим мужем. Он подарил мне все, к чему я в глубине души тянулась: любовь, брак, детей, счастливую, благополучную жизнь. Я приняла его как милость, отбросив все опасения.

Это были годы жизни в Ивердоне, заполненные радостями, рождением детей, трех за четыре года. Но в моем сердце уже намечалась трещина. В этом маленьком городке я чувствовала себя чужой. Без концертов, театров, кино — лишенная той культурной жизни, которая была у меня до брака. Чуждой этому миру военнослужащих, этой офицерской униформе, повседневной или выходной, которую нужно было постоянно разбирать, чистить, проветривать. Чуждой накалу политических страстей, собраний, следовавших за заседаниями коммунального совета, где преобладали левые. Кроме того, были бесчисленные спортивные общества — стрелковые, гимнастические и прочие, у которых на службе почти официально состоял живший в центре городка мой муж — поздно женившийся адвокат.

Все это было открыто и пережито внутри: и швейцарское понимание гражданского долга, и непрерывная работа в будние дни, вечера, занятые запоздавшими досье, подготовкой предстоящего военного курса, делами различных обществ, из которых женщины в ту пору неукоснительно исключались. До брака мне казалось, что я полностью связана со Швейцарией и через друзей, и культурными интересами, где как-то проявлялось и мое собственное «я». Но после замужества началось погружение в реальную страну пребывания, к которой я стала медленно привязываться через обязательства мужа.

Я снова вижу спортивный праздник в нашем кантоне в июле 1950 года. Руководить им было поручено мужу. И он трудился на этом посту в течение года. Наш третий ребенок, сын, должен был появиться на свет, и я специально вернулась из Лозанны, где собиралась рожать, чтобы не пропустить праздник. Одна за другой проходили секции со своими стягами. Тут были представлены флаги всех кантонов — от Аванша до Сант-Круа, от Буртини до Тьеренса. Колыхаясь на ветру, они двигались вперед, а вместе с ними плыла по дороге вся воздушная земля, и все эти молодые люди в белых костюмах, все названия коммун, которые начинали звучать в моем сердце, напоминая об альпийских лугах, полях пшеницы, озерах и виноградниках.

Я жила тогда, не испытывая сомнений, но при этом не имея полной ясности. И действительно хотела, чтобы мои дети были только швейцарцами, чтобы они не испытывали раздвоенности и неуверенности, в которых росла я. Желая им лучшей судьбы, я не думала, что лишаю их половины их наследия и что в любом случае, учитывая влияние наследственности, которую я тогда недооценивала, они, в свою очередь, однажды почувствуют себя чужаками.

Одновременно с желанием видеть детей швейцарцами я ощущала ностальгию по стране, к которой успела привязаться во время войны и которой хотела быть полезной. Удаленность и незнание давали пищу для идеали-

зации, а свою критику я оставляла для близкой мне повседневной жизни.

Разлад в моем сердце я устранила, сделав сознательный выбор. Однажды в Ко мне задали вопрос: «Что вы думаете о Швейцарии? Какое у вас представление об этой стране?» Конечно, спросивший не хотел поставить меня в трудное положение. Разве я не была женой политика? Я промолчала. Представление? У меня никакого представления не было. Я никогда не думала о сущности Швейцарии, оставляя прописную букву и порывы сердца для Греции, куда, как я мечтала вопреки всякой надежде, судьба когда-нибудь меня приведет. Понадобился один простой вопрос, заданный, несомненно, в момент полной переоценки ценностей, чтобы я осознала всю абсурдность моей раздвоенности, — мечтать о стране недосыгаемой и игнорировать страну, которая дала тебе все, что ценится в жизни — образование, веру, мужа, детей, друзей. Мне следовало раз и навсегда принять страну, где мне довелось жить, и честно ей служить.

Начиная с этого сознательно сказанного «да», мои внутренние дискуссии прекратились. Но по-настоящему я укоренилась на швейцарской почве только через любовь к человеку, вся деятельность которого вращалась вокруг кантона и страны в целом.

Медленные странствия через годы, через деревни между мягко укутанными горами Юры и зубчатыми краями Альп, через золотистые поля хлебов, сбегаящие с холмов, или через заснеженный подлесок наполняли меня историей жизни одного кантона. Причудливый список мест и их обитателей воскрешал в памяти годы мобилизации во время войны, процессы адвоката, а позднее избирательные кампании политического деятеля.

Работы у мужа было предостаточно. Наряду с политической деятельностью в кантоне Аванш местный адвокат раз в неделю принимал клиентов в кафе на первом этаже. В другом месте он выступал по делу некой Розы, отравительницы, дававшей своему брату крысиную от-

раву в малых дозах, и были слезы, которые защитник вызвал у присяжных. Под трепетавшими тополями небольшого притока Орба защита выступала прямо на берегу реки на процессе рыбовода, выступившего против строителя плотины, возведенной выше по течению. Кротолов, плотник, мастер-изготовитель тростниковых крыш – все они проходили перед адвокатом из маленького дремлющего городка у подножия Юры.

В других районах на берегу Женевского озера были уже не клиенты мужа, а солдаты, населявшие его рассказы: «Я жил тогда в высоком церковном доме с белыми и зелеными ставнями, вот за этой стеной, а также у кузнеца Баделя, жена которого делала вкуснейшие праздничные медовые бриселеты... В этом зале местной гостиницы в ожидании смены мы шумно резвились, прыгая в окна. Вот луг, где я однажды усадил моих людей, не зная, как их занять. Я говорил с ними о крестьянской преемственности. Это был способ научить их чему-то, кроме команды “стоять смирно”, представить себе, что у нас еще есть будущее. Что однажды жизнь начнется снова. Четыре года охранять границы – это долго».

Под большим дубом в Буртиньи я слушала и смотрела на противоположный склон – на деревни Лонжирод, Маршисси и Бассен, населенные моими воспоминаниями, и на неисчислимую армию густых и прямых золотых колосьев под крупными белыми облаками.

О, как ненавидела я, молодая женщина, всех этих солдат, которые возникали почти на каждом шагу во время наших случайных выходов, прерывая столь редкие наши свидания наедине. Мы неизбежно встречали их во всех уголках кантона – от Сен-Пре до террасы Кюлли. И как люблю я их сегодня, этих солдат, поседевших, как и мы, еще рассказывающих об учениях, которые не состоялись из-за того, что не ходили поезда, или о торговле, приносившей им какой-то доход. А иногда жена бывшего солдата вспоминает, как капитан нес, кроме своего мешка, еще один тяжелый мешок, чтобы помочь шагать другому солдату.

В этом проявляется швейцарская гражданственность — не высокие деяния на поле брани, но демократическая преемственность между годами войны и мирным временем, благодаря прочным связям, установившимся между людьми разных званий и состояний, которые иначе никогда бы не встретились.

В городке, где практиковал адвокат, братство по оружию продолжались между булочником, мясником или рабочим-электриком. Их можно было встретить на бурных собраниях, где левые и правые противостояли друг другу в соотношении 49 и 51 процент. Член бюро совета кантона отказывался подать руку молодому буржуа, потому что в свое время он не мог, как тот, «протирать брюки на школьной скамье» . Яростные стычки во время ночных заседаний продолжались в кафе за полночь. Мне они казались слишком мелкими и смешными, однако муж проходил здесь школу государственного строительства Швейцарской конфедерации со своими структурами снизу доверху, своими составными элементами, терпеливо пригнанными друг к другу, на которых в правильном порядке зиждется все политическое устройство от коммун к кантону и от кантона к стране. Таков он, швейцарский федерализм, эта плотная сеть отношений между людьми, прочно закрепившимися в своих различиях, но твердо решившими жить вместе.

Семидесятые годы мы провели в поездках по Северной и Южной Америке, Испании, Франции встречая сотни тысяч швейцарцев, которых нищета изгоняла из страны на протяжении всего XIX и в начале XX века. Муж стал президентом швейцарских обществ за рубежом. Сопровождать его становилось для меня чарующей игрой, подобной зеркальному отражению. Я почувствовала себя бесконечно близкой этим зарубежным швейцарцам — не в качестве швейцарки, приехавшей утешить их добрым словом, а как гречанка, живущая за рубежом. Я обнаруживала в них собственные чувства, ностальгию и чрезмерную идеализацию далекой родины. Мне же они позволили понять, насколько справедливо сохранить вер-

ность духу и ценностям страны, откуда ты родом. Вместе с тем благодаря самоотверженному труду, предприимчивости и чувству ответственности эти эмигранты способствовали развитию принявших их стран.

Пролетая над желтыми извилинами Параны, реки на границе Аргентины и Парагвая, мы открыли страну величистой со Швейцарию – провинцию Мисьонес на северо-востоке Аргентины, освоенную с помощью топора бедными иммигрантами, ставшими жертвами полчищ насекомых, лихорадки и изоляции. Между тем Парагвай на правом берегу реки еще кудрявится густым тропическим лесом. Именно швейцарцы построили мосты, например, Голден-Гейт при въезде в Сан-Франциско и мост через Гудзон в Нью-Йорке. Именно они ввели в употребление сливочное масло по всей Аргентине и яблоки на юге Патагонии. Оставаясь самими собой, они сослужили службу другим народам.

В силу какой-то бессознательной мимикрии эти люди отражали в большей или меньшей степени различия тех мест, где нам удалось побывать. Швейцарец из Барселоны совершенно не походил на швейцарца из Мадрида, а в Бразилии апатичный обитатель штата Бахья был совсем иным, нежели проживающий в согние лье от него в штате Сан Паоло и подверженный стрессам труженик швейцарского происхождения. Было забавно отмечать эти различия, показывающие, сколь сильно влияние ассимиляции, не разрушающей при этом привязанности к родной стране.

С ростом потоков беженцев и увеличением числа рабочих-иммигрантов в условиях свободного передвижения по Европе будет все более возрастать численность рабочей силы и специалистов, способных ускорить развитие двух или даже нескольких государств одновременно. И они обретут свою форму национальной идентичности в более масштабном единстве континента или всего мира только через осознанное решение укорениться в том месте, куда их забросила судьба, не отрекаясь при этом от собственной истории.

Запоздалое наследство, полученное мною от матери,

позволило купить небольшой домик в Греции, на берегу моря. Эта мечта моей юности, осуществившаяся, когда я о ней уже не думала, стала для меня новым поводом для путешествия в страну моего сердца. Впервые я находилась в Греции три недели подряд как местный житель, а не как турист. И это стало концом долгой идеализации. Мне открылись слабости моих соотечественников, так же как собственное отвратительное гельветическое превосходство: «Уж эти греки, они что, не могли организовать и поладить между собой, как швейцарцы?»

В очередной раз беглое замечание одного из моих друзей позволило мне преодолеть и это заблуждение. Я только что со смехом ему объясняла, насколько чувствую себя швейцаркой в Греции и гречанкой в Швейцарии. «Ну что ж, — заметил он, — вы поступаете не так, как святой Павел, который старался быть евреем с евреями и греком с греками».

Мне была брошена хорошая кость. Я вдруг поняла, что в самом деле очень удобно идентифицировать себя только с добродетелями одних, утверждая себя, таким образом, выше других. Быть гречанкой с греками и швейцаркой со швейцарцами означало бы идентифицировать себя также с их слабостями и выявить недостатки своей собственной природы.

Если принадлежать только одной земле и одной истории — это привилегия, то возможность выявить свою принадлежность сразу нескольким странам, не относя себя полностью к какой-то одной из них на основании всегда легкоуловимого различия между собой и другими, — это богатство, дающее возможность все видеть одновременно и изнутри, и снаружи. Это хорошее противостояние против национализма, сакрализации какого-то одного образа жизни, одного способа быть и мыслить.

И я, наконец, поняла, что величие индивида или народа гораздо менее основывается на его частных добродетелях, нежели на прерывистой связи, которую он подерживает с Божественным Духом.

Смерть отца

Стояла осень. Пора было подумать о зиме, рождественских каникулах, горном домике или пансионате в горах для детей и себя. Муж не мог нас сопровождать, занятый в своем департаменте все вечера в конце года. И вот мной овладевает какая-то странная, беспокойная, навязчивая мысль. Ничего не делать, ничего не предпринимать. Просто отказаться от поездки в горы этой зимой. Почему, во имя чего? Какая-то загадка. И в то же время это твердое, непоколебимое убеждение. Правда, не обошлось без сомнений. Ведь это касалось не столько меня, сколько детей. Как все это выразить? Как объяснить? Муж в эти дела не вмешивался. В любом случае он должен был оставаться на месте. Однако постепенно все как-то устроилось. Приглашения друзей, лагерь скаутов, одним словом, все на время разбрелись, за исключением меня, которая неизвестно почему осталась дома. Было еще одно, последнее искушение, когда муж решил после праздников поехать отдохнуть в Ментон и предложил поехать с ним. В какой-то момент я торжествовала. Вот почему я не должна была уезжать с детьми! Но нет, дело заключалось не в этом: мне необходимо было остаться здесь.

Мои родители Новый год и день святого Василия — день ангела моего отца — всегда праздновали вместе. В этот день мы обменивались подарками. На сей раз я выбрала для отца самый красивый галстук. Могла ли я предположить, что он будет сопровождать его в могилу? Второго января, накануне отъезда мужа в Ментон, прекрас-

ным солнечным утром мы прогуливались по берегу озера. Родители, со своей стороны, провели этот безмятежный день, отвечая на поздравительные открытки.

На следующий день я проснулась слишком поздно, чтобы, как обычно, сосредоточиться в молитве. Воскрешаю в памяти, как, опершись на радиатор, распекаю себя. И в то же время почему-то думаю: «Не жалуйся, ведь у тебя для молитвы есть еще сегодняшняя ночь». И вдруг звонит телефон. Это мама, она просит помощи. Отец неожиданно заболел, а его врач уехал на каникулы. К кому обратиться? Мой брат, со своей стороны, уже вызвал из Женевы специалиста-ортопеда, который один мог как-то подправить у страдавшего грыжей отца его устаревший кожаный пояс, уже значительно ослабший и потерявший упругость. Приезжает врач, который не был знаком с отцом. Увидев, что больному угрожает кишечная непроходимость, он предлагает немедленно отправить его в больницу и прооперировать. Но отец всегда был против всякого оперативного вмешательства. При одной мысли о том, что ему предстоит на это пойти, он потерял сознание. Приехавший наконец ортопед вправил грыжу, укрепил пояс, но перевозку отца в больницу нашел бесполезной.

Вечером из-за сложившихся обстоятельств я решила остаться на ночь у родителей. Прилегла в гостиной на старом диване полосатого бархата, чтобы в любую минуту быть наготове, и начала молиться, Но о чем просить Господа? О продлении жизни или о спокойном принятии смерти? И так как я не знала, я сказала: «Господи, как мне Тебя просить?» И тогда с моих губ слетели предельно ясные и точные слова: «Господи, прости ему все плохое, что он сделал, во имя всего доброго, что он всегда хотел делать». В этих словах было все. Со своей невероятной гордыней и тиранией вечных опасений отец заставлял нас много страдать, отвергая нашу свободу, и в то же время он всегда хотел нам добра и был безгранично нам предан.

На следующее утро возвратился наш домашний доктор. Отец был в коме. Напрасно я брала его руку, пытаюсь говорить с ним — он ни на что не реагировал. Снаружи доносился веселый гомон. Внизу на противоположной стороне улицы находился парк, покрытый толстым слоем снега. Там был склон без деревьев, на котором ребятишки квартала катались на санках. Дети рассказывались по салазкам, весело перекликались и, скользя на них пичком, головой вниз, издавали победные крики. Внутри комнату наполняли предсмертные хрипы, а снаружи, на улице, бурлила жизнь.

На третье утро мама позвала меня: «Иди скорей сюда, папа пришел в сознание». Я бегу, мой брат уже там, мы окружаем кровать, мама садится у изголовья, мы стоим рядом. Отец смотрит на меня с улыбкой, немного лукавой, словно говорит: «Ну вот, ты видишь, мой час настал, и я не боюсь». Он говорит очень медленно, с большим трудом. Надо наклоняться совсем близко, ловить слово за словом, а затем стараться понять, что все это вместе значит. «Сделай, как ты захочешь, — выдыхает он мне по-гречески, — и опубликуй, если хочешь, под своим именем».

На смертном ложе он думает об «Агамемноне», о своем переводе «Агамемнона» Эсхила. Этому переводу на современный греческий язык, а затем — на французский он отдавал в последние годы своей жизни все силы, все свое сердце. И теперь он передает мне, своей дочери и конкурентке, свой перевод, желание творить, существовать, сохраниться во времени. Он отдает мне все, отрывая от себя из-за любви ко мне.

Отец движением руки отослал детей, желая остаться наедине с женой. Он скончался утром после тяжелой ночи. Страдальческое выражение осунувшегося лица — о чудо! — исчезло. Кожа натянулась на высоком гладком лбу. У него был вид пятидесятилетнего с его еще черными усами и спокойными чертами лица. Я снова видела палликара — героя-всадника, скакавшего на коне по Ана-

толии, чтобы продать там ткани, привезенные из Манчестера, Лилля или Рубе, самоучку, знавшего наизусть объемистые фрагменты из Демосфена, Корнелия или Маколея.

Мой старший брат, живший в Лондоне, приехал слишком поздно, и уже не застал отца в живых. И если бы я уехала в горы с детьми, то тоже пропустила бы его последние, столь дорогие для меня дни.

Утром в день похорон я плакала и боялась, что не сумею сдержать слезы в церкви. «Боже, утешь меня», — шептала я. «Утешение для тебя в том, — протестовал внутренний голос, — что Я даровал ему жизнь вечную!» Я не знала, что и думать, вспоминая слабую веру отца, которому были духовно ближе Платон и Сократ, нежели евангельский Бог. И вдруг во мне сложились совершенно определенные слова: Матфей, двадцать, один, два... повторенные несколько раз, потому что я далеко не сразу их поняла. Я не знала, да и до сих пор не знаю нумерации библейских строк и всегда испытывала затруднения в поисках цитаты. Заинтригованная, я открыла Библию, и в двадцатой главе Евангелия от Матфея в первом, втором и следующих стихах прочла притчу о работнике, получившем за единственный час работы столько же, сколько те, что трудились с утра. Сердце озарилось радостью: мой отец жив и прощен.

Не ангел, не зверь

В двадцать лет, увлекшись учением Платона, я придумала диалог под названием «Агафон и Каллидор». Агафон был приверженцем идеи блага, сторонником движения прямой дорогой, Каллидор – художником, поклонявшимся прекрасному и стремящимся передать его людям. Агафон и Каллидор шли полем и вели беседу, вдыхая запах скошенной травы и жимолости. Каждый хотел служить высокой истине и воплощать в жизнь понимаемые по-своему идею блага и идею прекрасного, которые вместе ярко сияли в высоте неба Платона.

Мое же небо уже покрывалось тучами, предвещавшими грозу. Я четко видела вырисовывающиеся на горизонте конфликты между отцом и мною, вызванные моим желанием испытать на себе во имя искусства различные жизненные коллизии. Диалог быстро свернулся. Платоновские идеи блага и прекрасного воссоединялись только в Боге, в Самом Боге, в Которого я мало верила и Которого любила еще меньше. Вездесущая смерть все отменила.

Нет, не реальность смерти, а иная реальность, реальность какой-то невозможной любви открыла для меня постижение Бога.

...Как-то мы шли вдвоем, она и я, держась за руки и устремив взгляд в августовское небо. Она была женой того, кого я любила. По небу скользнула падающая звезда. «Загадай желание», – обратилась она ко мне с улыбкой. «Умри!» – слово вырвалось внезапно, так же стремительно, как падение звезды. Моя жизнь зависит от ее смер-

ти. Существовал союз, который я не позволяла себе разрушить.

Принципы, служили ли они когда-нибудь плотиной, противостоящей неудержимой силе страсти? Какой помощью мог быть для меня прекрасный мир идей? Нужна была любовь, любовь более сильная, чем моя, чтобы помочь мне справиться с безысходной страстью. Одному лишь Богу было под силу бороться со мной и против меня. Только Он мог дать правильное разрешение старому забытому спору Агафона и Каллидора.

В то самое время, когда я боролась с собой, чтобы отказать взять то, что мне не принадлежало, за меня на протяжении девяти дней возносили молитвы неизвестные женщины, затворницы Бетанийского монастыря в Шабль сюр Ивонан. Одна из моих подруг растревожила их рассказом обо мне без моего ведома. Им, несомненно, я обязана решением, которое изменило весь ход моей жизни, приведя к Богу.

Двадцать лет спустя я сделала еще один шаг в познании самой себя, связанном с углублением веры. Я обрела в Ко уже не абстрактные идеи, которые следует претворить в реальность, а абсолютные моральные критерии, иначе говоря, неизменные инструменты измерения, необходимые для оценки своих побуждений, мыслей и поступков.

Столкнувшись с абсолютной порядочностью, я открыла, что бывает и недобросовестная попытка выдавать себя не за то, что ты есть. Я лезла из кожи вон, воспитывая в себе и отыскивая в другом образ всех возможных совершенств. На деле это оборачивалось самообожествлением, стремлением включить Бога в себя, заполнить Богом пустоту и ничтожность собственной персоны. Но Бога нельзя провести, и тот, кто подменяет Его собою, чтобы поклоняться собственному идолу, рано или поздно обречен на поражение и отчаяние.

Скольким идолам мы поклонялись и служили на протяжении веков! Апполону, Ваалу, Астарте, солнцу, луне,

ветрам. А сейчас это – деньги, техника, культура, власть. Но, пожалуй, самый жестокий, самый ненасытный идол – это все еще мы сами. Ради него мы надрываемся, ему служим, его украшаем, стараемся придать блеск. Мы проводим жизнь, оценивая свой образ соответственно сумме наших приобретений, нашей власти, набору наших добродетелей и даже пороков. И так до значительного обесценивания в старости, отнимающей у нас волосы, глаза, слух, зубы и память. И ничто больше по сути не существует в нас, кроме связи, более близкой или отдаленной, с Тем, Кто есть.

* * *

На протяжении нескольких лет я поднималась в мансарду, где могла в спокойной обстановке заниматься живописью, передавая то, что подсказывало мне воображение. Не имея возможности выбраться с мольбертом на природу, к тому же мало склонная к абстракции, я приучила себя запоминать то, что мне хотелось выразить – контрастные эффекты света, падающего на поля, деревья, дома. Случалось, проходили недели, пока я находила время передать в красках то, что меня захватило.

Результат был весьма странным, ибо модель преобразилась в памяти волею сил, которые я совершенно не осознавала. Как-то вечером с наступлением темноты меня захватило зрелище старых крыш города под мостом Понт Бессьер. Проходившие там люди были ярко освещены, словно персонажи на сцене. Я была так очарована этой красотой, что написала две картины одну за другой.

На первой я не стала рисовать старые крыши. Подумала, что и так достаточно насмотрелась на них. Мост разрезал картину на две части. Вверху иссиня-черное небо, внизу такая же темная вода. Выхваченные из ночи светом фонарей, по мосту идут люди. Странно, они одеты так, как одевались в прошлом, хотя нельзя было сказать точно, о какой эпохе идет речь. Прошел рабочий, про-

ехала машина, появилась девочка, несущая букет, а с правой стороны – женщина в длинном платье, наклонившаяся над ребенком и прикрывающая его рукой.

Вторая картина была совсем иная. Мне удалось хорошо рассмотреть форму и черепичную чешую крыш под мостом, и я отважилась писать старый город. На этот раз мост перерезал полотно очень высоко, и поэтому город внизу казался совсем маленьким и далеким, а по мосту шли навстречу друг другу только два человека. Слева – мальчик, одетый во все белое, с капюшоном на голове, тоже белым. Справа навстречу мальчику двигалась женщина в короткой юбке. Помнится, эту женщину я писала много раз. Сначала она выглядела как-то странно коленопреклоненной, и я одним движением кисти ее выпрямила. Теперь она демонстративно выпячивала торс. Я не могла понять, почему ее вид казался мне таким противным. Кончилось тем, что после всех исправлений она со своей откинутой назад головой и выпяченным торсом стала походить на вопросительный знак. Я не решалась больше к ней прикасаться.

У меня была приятельница – психолог, активно поощрявшая мои опыты. Для нее интерес представляла, как я потом поняла, не столько художественная ценность моих картин – это интересовало лишь меня одну, сколько расшифровка моей живописи, ее языка, связанного частично со сновидениями. Это был мир подсознания, находивший свое выражение без моего ведома через формы, которые я кропотливо заимствовала у реальной жизни.

Моя приятельница долго смотрела на обе картины, я ожидала ее вердикта. Наконец она произнесла: «Ты написала не две картины, а диптих». И видя, что я не понимаю, показала мне женщину, которая шла, нежно склоняясь над ребенком, и другую, противную, напротив мальчика в белом. В обоих случаях речь шла об одной и той же паре – мать и ребенок, это была иллюстрация моей связи с сыном, которого я потеряла.

Начиная с этого времени обе картины начали раскрывать мне свои секреты. На первой я пыталась выразить свое меланхолическое отношение к жизни. На освещенном мосту, словно на мировой сцене, двигались подвешенные между небом и водой хрупкие персонажи жизни, плывущей по течению реки времени.

На второй картине несколько выше, на другом уровне была показана встреча мертвенно бледного ребенка с женщиной, которая не знала, что она такое. То она опускалась на колени, совершая молитву, то становилась отворотительной и, наконец, превращалась в вопросительный знак.

Кто я есть? Что я есть? Подросток задает себе этот вопрос, не зная, кем он будет, и этот вопрос, несколько измененный, возвращается к нему в конце жизненного пути: кто я есть, кем я был, что я сделал со своей жизнью?

Можно ли самому ответить на этот вопрос до наступления последнего часа? А может быть, ответ приходит только после того, как ты уберешь комнаты, еще сохраняющие тепло твоих любимых, разобьешь яйцо, наполненное их жизнью. В этот момент кажется, что ты собрал и в последний раз держишь, зажав в руке вместе с письмами, фотографиями, разрозненными книжками, самую первооснову и неповторимость живого существа.

Много раз на протяжении жизни я думала, что разбила своего идола. Так произошло в Ко во время моего первого опыта внутренней диктовки. Но стоило мне его сразить, как он поднимался сам по себе. После смерти сына он разбился, ударившись о землю. Все, чем я хотела быть, все, чем, как мне казалось, я стала, разлетелось вдребезги в одночасье. Осталось отчаяние от мысли, что я помешала расти мыслящему существу, которое приобретало в моем сознании внешность ребенка и которому я в последнюю минуту не протянула руку. Вот так на картине, изображающей мост Бессьер, стихийно, подсознательно проявился образ отворотительной женщины, которой я сама была.

Мне потребовались годы, чтобы простить себя. Ад, куда вас ввергает чувство вины, это ад гордости, мы страдаем, потому что сами заставили страдать, но также и потому, что оказались бесконечно ниже того, чем хотели бы быть, и не хотим признаться в своем убожестве. Я преуменьшала, вместо того чтобы превозносить, осуждала, вместо того чтобы понять, сводила к собственным схемам жажду жизни другого существа. Как могла я так совмещать сверхтерпимость и жестокость, тревогу и слепоту? Как тяжело увидеть себя голой. Хотя это ведь тоже милость.

Кто я есть, кем я была? Чтобы ответить правильно на этот вопрос, нужно абстрагироваться от собственного взгляда, как и от взгляда другого человека, и обратиться к видению Бога. Ибо Он единственный Судия, и если ты с искренностью поворачиваешься к Нему, Он не судит, Он сострадает. Мы столь преисполнены гордыни, что нам трудно принять бесконечное сострадание Бога, Которому известны мельчайшие движения нашего сердца и Который ни в чем нас не упрекает. В конечном счете наши успехи, наши неудачи и даже наши ошибки мало значат в Его глазах. Значение имеет только наше отношение к Нему.

В Божьей любви даже наши ошибки оказываются полезными. Они становятся источником возрастания добра. Ведь они — неотъемлемая часть повседневного марша, часть ступни, которая поднимается и снова опускается. Мои ошибки помогли мне поставить себя на свое настоящее место и более не желать преступать свои границы. Я учусь не судить более тех, кто блуждает и ошибается, как я, и что самое главное — я учусь непрерывно, неустанно менять себя, чтобы наверстать потерянное время, когда я не умела любить.

* * *

Это случилось однажды в Стамбуле в октябре пополудни. Я шла вдоль бульвара Республики. Возвращаться в

гостиницу было еще рано. В то же время перспектива ежедневного отключения света мне совсем не улыбалась.

Я приехала, чтобы помочь старой тетке, последнему члену семьи, остававшемуся здесь. Беззащитная, с плохим здоровьем, она вела жалкую жизнь, отданная на произвол жадной хозяйки и какого-то старьевщика, который регулярно тянул из нее последние крохи бывшего достатка. Она извлекла для меня из чемодана желтый конверт, набитый фотографиями, на котором я с волнением обнаружила крупный почерк отца и адрес дома нашей семьи на улице Фаика Паши.

Именно эту улицу я стремилась отыскать в тот день после полудня. Мне сказали, что она находится неподалеку от бульвара, и я, задрав нос к небу, разбирала по буквам название поперечно идущей улицы, как вдруг услышала свое имя, кем-то громко произнесенное. Потрясенная, я обернулась. Кто может меня так окликнуть в этом городе, где я не знаю и десятка людей? «Вы не узнаете меня? — обратился ко мне стоящий на углу улицы молодой человек, с улыбкой глядя на меня. — Все дело в том, что мы не имеем права ходить в облачении по городу». И тут я узнала генерального секретаря экуменического ортодоксального патриархата в Стамбуле. Это был отец Бартоломе, филладельфийский епископ. За неделю до этого он представлял меня патриарху Димитрию. Мы и подумать не могли тогда, что спустя десять лет он станет его преемником. «Я ищу дом моего отца на улице Фаика Паши, — радостно ответила я, испытывая удовлетворение от мысли, что нашла собеседника. — Не хотите ли выпить со мной чашку кофе?» Он отклонил кофе, но согласился проводить меня, куда я захочу.

Мы спустились по многочисленным улицам, расположенным на крутом склоне. Я мысленно поздравляла себя с этой встречей. Одна я вряд ли справилась бы с задачей без труда. Улица Фаика Паши оказалась бедной и плохо освещенной. По обеим сторонам стояли дере-

вянные дома. Какой же их них мог быть домом отца? Я приходила сюда лишь однажды, когда мне было 17 лет, а номер дома, указанный на конверте, я не запомнила. Но отец Бартоломе шел вперед решительным шагом, как будто знал, куда нужно идти. Он уверенно остановился перед какой-то дверью и позвонил. Дверь открыла молодая женщина. Следом прибежали еще две. Последовали радостные восклицания, объятия, и я очутилась в обители сестер Шарля де Фуко, в мире света и радости, столь пленительном для меня, прожившей пятнадцать дней в унылом убожестве тетушкиного подземья.

Деревянные лестницы сияли. На этаже одна из сестер показала нам только что выполненную ею икону Богоматери. За ритуальным стаканом воды с вареньем другая рассказала о своей недавней поездке в Каппадокию, встрече с молодым турецким гидом, увлеченным византийскими церквями. Заставив ее спуститься вниз по нескольким темным ступенькам, гид сказал ей: «Только здесь спускаются, чтобы обрести Бога».

Затем отец Бартоломе исчез. Наступила ночь. Несмотря на опасение не найти дороги обратно, я решила остаться. Я чувствовала себя дома. Появился другой священник в сопровождении двух родственниц из Афин. Он совершил краткое вечернее богослужение на греческом языке, а сестры в ответ запели «Кирие Элейсон». Потом они прочли мне эту молитву Шарля де Фуко, молитву, взволновавшую меня до глубины души.

Отец мой, я отдаюсь Тебе,
Делай со мной все, что хочешь.
Что бы ни сделал Ты, я благодарю Тебя,
Я готова ко всему.
Я принимаю все.
Достаточно, что свершится воля Твоя
Для меня и всех созданий Твоих.
Я не желаю ничего другого, Отец мой.
Я вкладываю душу мою в руки Твои,
Я дарю ее Тебе, мой Бог,

Со всей любовью сердца моего,
Потому что я люблю Тебя.
И таково желание любви моей
Предложить себя, отдать себя
Безгранично в руки Твои,
С бесконечным доверием,
Ибо Ты – мой Отец.

Потерявшаяся в большом городе, я искала дом своего отца, и вот рука провидения направила меня к Сестрам Шарля де Фуко, указав истинный, единственный дом Отца. Сестры явили мне, наподобие скромных икон, божественный образ.

Кто я есть, кем я была? Не ангел, не зверь, Божье дитя, стремящееся к недостижимому тождеству со своим небесным Отцом.

Материнство

Нет ничего прекраснее материнства. Оно следует за родами и кладет конец долгому ожиданию, страхам и фантазиям. И вот наступил этот момент. Свершилось. Больше нечего желать. Он здесь — ребенок, настоящий, с удивленно поднятыми бровками, с отчетливыми линиями на ладошках рук.

Мне вспоминается вишневое дерево, покрытое листвою в июле перед нашим окном под синим небом, пивные бокалы, используемые для молока, сдавленный череп, напоминающий по форме средневековый женский головной убор, появившийся на свет однажды ночью в феврале к ужасу бабушки и бабушки, боли перед родами и роды, безболезненные сами по себе при рождении первого ребенка, чтение катренов Элиота, своеобразной прелюдии к появлению второго.

И вот уже на этом личике, где появилась едва заметная первая улыбка, явственно видны мимолетные признаки странного сходства — величественные черты свекра или плоский нос моего анатолийского кузена. Тысяча существ роится в грудном ребенке. Поднимаясь из глубины веков, они оставляют на новом лице перекрестные наследия, удивительные сплавы, которые определяют позже его становление.

О, эти драгоценные годы младенчества! Так хотелось, чтобы они быстрее прошли, а с ними пеленки, отупляющая обязанность мелких дел, этот упорядоченный танец материнской суеты: чередования еды, стирки, болезней; и в то же время почему-то хотелось, чтобы он сохранил-

ся навсегда. Но время само торопится, не принимая в расчет ни нашей спешки, ни наших сожалений.

И вот уже образуется дистанция. Я все еще вижу мою старшую дочь, которая стоит возле створки секретера, вооружившись карандашом и листком бумаги. Мы собирались идти на прогулку. Я торопилась и резко дернула ее, чтобы передать пальтишко. Позже она мне сказала: «Ты знаешь, я тогда была занята важным делом. Я изобретала письменность». Ей было всего пять или шесть лет. Я уже не поспевала за ней.

Как предусмотреть становление наших детей? Откуда берутся педантичность и порядок у того, кто был таким беспорядочным? У сына проявилась склонность к японскому языку в то время, когда он трудился над своей немецкой грамматикой. Что касается девочек, то одна любила колбасу, другая пирожные. Одна карабкалась на китайское дерево гинкго, другая играла в приготовление обеда на своей плиточке. Одна во дворе колледжа чуть не валила на спину больших мальчишек, повиснув у них на плечах, другая боялась поднять телефонную трубку или толкнуть дверь писчебумажного магазина, чтобы купить ластик. Я называла их «роза» и «георгин», стараясь как-то уважительно отметить деликатность и утонченность одной и бойкость и порывистость другой. Но мое «цветочное алиби» не воздавало должное ни той, ни другой.

Сейчас все перевернулось. Девочка с мальчишескими замашками, которая, став девушкой, имела большой успех у многочисленных поклонников и постоянно путала свидания, сейчас целиком отдает себя семье и нравственному обновлению мира. А нежная и робкая девочка теперь исполнена отваги, смело обращается к любому руководителю предприятия и, не моргнув глазом, пускается одна в путешествие от истоков Ганга до Калькуты.

Становление детей невозможно предвидеть, и эта непредсказуемость увеличивается, достигая своей высшей точки в юности. Происходит процесс медленного

отдаления от матери. Наши дети замыкаются в себе, стремясь создать свой собственный внутренний мир, укрытый от наших нескромных взоров, непререкаемых мнений, настырных поучений, от нашего влияния. И все это для того, чтобы стать тем, кем они станут, отделившись от нас. Иногда нужна смерть, чтобы понять ребенка, не сумевшего выразить себя, проникнуть в смысл его слов, которые никогда не передают прямо того, что они хотели выразить.

Это – аскеза, испытание материнства. Мы заботились о них каждую минуту, лечили их плоскостопие, гнойничковый лишай, дизлексию – и вдруг нас попросили оставить их в покое. Мы тряслись над ними, уговаривали, наставляли, одевали – и вот мы вынуждены все бросить и отпустить их на все четыре стороны без нас. Все то, что было нашим, таким близким и родным, должно стать посторонним. Наши дети ведут борьбу за то, чтобы перерезать пуповину. И нам тоже следует бороться с собой, чтобы не препятствовать их высвобождению. Нам следует отказаться не только от советов, но в особенности от устойчивых, зачастую опасных представлений, которые мы носим в себе: о счастье, карьере, браке, решении жизненных проблем. Одни будут настойчиво убежать от этих представлений, другие столь же настойчиво им следовать, часто себе во вред. Они здесь не для того, чтобы воплощать в жизнь наши представления, а для того, чтобы реализовать собственное предназначение. И они не обязаны нам счастьем, достигнутым любой ценой.

Дети становятся взрослыми, и роли начинают меняться местами. Теперь они обучают нас, питают нас собственным опытом. Они увлекают нас с собой в неисследованные земли благодаря своим профессиям, путешествиям, новым авантюрам, в которые они, в свою очередь, вовлекаются – созданию новых существ, своих собственных детей, таких же непредсказуемых, какими они были сами.

Нельзя перестать любить. Мы не только зачарованные зрители на балконе театра жизни, задержавшие дыхание,

плачущие, смеющиеся, дрожащие при каждой перипетии. Мы – эстафета, передаточный пункт. Мы проходим свидетелями от одной любви к другой, более сильной, более великой, чем наша, которая все знает, и содержит в себе образ своих существ еще до их рождения, секрет их становления. Если только они его принимают. Теперь их очередь задавать вопрос: «Кто я есть, кем я был?» И находить ответ.

Мы молимся, чтобы установилась главная связь, чтобы наши дети жили и действовали по-своему, соответственно своему Божественному родству. Мы матери детей, рожденных для жизни вечной. Нас тоже посетил Святой Дух, хотя мы не знаем этого. Мы выносили в чреве своем не только телесную плоть, но и духовную сущность.

* * *

Мы рождены для радости. Ничто, никакой отказ в жизни не может отнять у нас убежденность, что мы были созданы для радости. Она одна лишь довольствуется сама собой, не спрашивая, зачем. Ее нельзя придумать, ее можно только принять как милость, половодье чувств, переполнение существования.

Я родилась для радости, я это знаю, когда морская синь кричит мне: «Приходи танцевать!»; когда соловей пускает трели под усиками виноградного куста, в ночной тишине; когда сердце говорит с другим сердцем, не прибегая к словам, ибо они бьются в унисон; когда даже в моменты тоски у меня возникают мысли и ответы, убеждающие – благодаря присутствию какого-то более высокого начала – в том, что все хорошо.

Но счастье, спокойный промежуток времени, цвет времени – существует ли все это на самом деле? Является ли это чем-то иным, чем прошлое, отфильтрованное памятью, или это мираж, выступающий во время наводнения островок, к которому мечтают пристать?

Я не искала счастья. Для меня важным в жизни были смысл, искусство, любовь. Тогда почему я так желала для

моих детей счастья более всего? Разве я не произвела их на свет для того, чтобы они были счастливы?

Дочь своего века, я спутала счастье с удовлетворением их желаний, их потребностей – такими, какими они мне представлялись. Но в то время как я пеклась об их благополучии, точно так же, как убирают комнату, сметая, как пыль, неприятности, они без труда читали на моем лице секрет, который я считала погребенным: раздвоение души, горечь неосуществившихся притязаний.

Поглощенная собой, я не всегда умела их слушать, понимать то, что лежало у них на сердце. Я не помогала распутывать клубки их ревности или их страхов, противостоять страданию для того, чтобы каждый раз извлекать из этого дополнительную опору. Игнорируя одних в пользу других, я часто становилась причиной трудностей, от которых сама же хотела их избавить. Нет, у них не было того детства, о котором я для них мечтала.

Их страдания я ненавидела как собственное поражение и думала: если Бог создал нас для счастья, то Ему это тоже не удалось!

Мне потребовалось время, чтобы поставить под вопрос счастье. Счастье ждут всегда со стороны: от мужа, жены или детей. Его связывают с богатством или со славой, с покупкой машины или дома. А сердце не заполнено.

У Бога все иначе, чем в нас. Он любит не так, как любим мы. Он не ненавидит наше страдание. Он не отталкивает его подальше от нас, – лихорадочно, как что-то самое худшее, что может с нами случиться. Он использует его, чтобы заставить нас расти и изменяться. Это его предпочтительное орудие. Какая странная она, любовь Бога, Его, Который считает каждый волосок у нас на голове, Который вникает в мельчайшие детали наших забот, Который ведет нас, оберегает и Который вместе с тем разит своих слуг с удвоенной силой, не делая исключения для избранных, начиная с собственного Сына. Самое удивительное, что они на него за это не сердятся. Они доверяют Его на-

мерениям и получают взамен мир, который непостижим разумом.

Наше развитие – вот что имеет значение. Мы не рождаемся полностью сформированными. Девяти месяцев для этого недостаточно. Нам надо еще многое сделать. Эта жизнь дана нам как долгая беременность вне материнского чрева, перед новым рождением. Мы здесь для того, чтобы расти и преобразаться согласно записанному в нас подобию, чтобы стать сынами Божьими.

Сколько времени и страдания требуется, чтобы стать пористыми, способными всеми своими порами вдыхать полноту жизни! Но придет день, пробьет час и случится это, кто знает когда, в воскресенье, в Троицин день, в полночь в феврале или накануне Рождества, и это будет наше настоящее Рождество.

Тогда радость и счастье подадут друг другу руку. Миг и неподвижное время смешаются. Море заполнит бездну нашего сердца. И любовь преломится подобно хлебу.

Сила прощения

Со мной случилась странная история, заставившая меня лишний раз почувствовать, что я не остаюсь одна со своими самыми сокровенными думами. Такое ощущение, словно у меня был собеседник, который при определенных обстоятельствах вел со мной диалог и по-своему наставлял меня, учил прощать.

Прощение представляется мне одним из самых трудных и освободительных актов, которые существуют. Поведение в жизни определяется чаще всего характером, привычками, предрассудками. Мы часто вольно или невольно действуем не так, как было бы правильно и разумно поступить. Кто-то не поздоровался с нами, проигнорировал в обществе или одернул на людях – и вот уже мы сердимся на него, считаем антипатичным или даже мерзким.

Прощение не поддается какому-то определению. Это в высшей степени свободный акт. Он производит разрыв в цепи событий, бесконечно следующих одно за другим. Он прерывает механическую последовательность обиды и злопамятства. Прощение открывает, начиная с нуля, непредвиденный ряд поступков и реакций, новую историю, которая без него просто-напросто не существовала бы.

Определив значение сюжета, я хотела писать далее. Я чувствовала себя в ладу сама с собой. Могла прочесть «Отче наш» с начала до конца, не находя перед собой ни обиженного, ни обидчика. И вот что произошло со мной в течение того же лета.

Однажды вечером я шла в театр посмотреть в исполнении бельгийской труппы «Большие оды» Клодела, любимое произведение моей молодости, поставленное на сцене. Выходя после спектакля, столкнулась с женщиной, с которой была когда-то знакома. Она разъезжала по свету в качестве секретаря посольства, и я ни разу не встречалась с ней на протяжении сорока лет. Был прекрасный вечер. Мы решили продолжить его и пошли пешком до набережной Уши. Во время прогулки было произнесено одно имя. Речь зашла о замечательном профессоре, которому я была многим обязана, но который, однако, много мне напортил, сведя на нет результаты работы нескольких лет. Я искренне думала, что признательность и восхищение, которые питала к нему, одержали верх над моей обидой и злостью. И даже забыла о них.

И вдруг была поражена, вспоминая связанные с этим факты в мельчайших подробностях и с особой горячностью, поскольку моя собеседница была частично их свидетельницей. Меня поразили ее слова: «Как, вас это все еще волнует?» – сказанные голосом, полным такого презрения, что это наполнило меня одновременно и гневом, и стыдом. Что она вмешивается? Я не обязана давать ей отчет!

Это было так, будто луч карманного фонарика обшарил во мне, теоретике прощения, все закоулки сердца, чтобы вынести на свет моей совести забытые и еще трепещущие злопамятные чувства.

Два месяца спустя я проводила несколько дней каникул с мужем в отеле Монт-Пелерене. Там я познакомилась со старой одинокой английской дамой. Как-то вечером она, переполненная энтузиазмом, буквально бросилась на меня. Оказалось, что в тот день по удивительной случайности она встретила даму, которую я тоже знала до замужества и которая якобы сохранила обо мне наилучшие воспоминания. Я застыла в молчании. Что сказать моей англичанке? Я чувствовала, как во мне закипает гнев при мысли о женщине, сумевшей в свое время

ловко поставить мое перо на службу своим корыстным интересам, в то самое время, как она пользовалась полным моим доверием.

Так, в течение одного лета, в то время, когда я хотела говорить о прощении, две случайные встречи вернули меня в далекую молодость, выявив затаенное во мне злопамятство. Вытащенное на свет, каким смешным оно показалось мне!

Я возблагодарила своего божественного Собеседника, смущенная его безграничным знанием сердца каждого. Ничто не скрыто от Него. И чтобы открыть нам самих себя, Он способен создавать ситуации, которые освещают скрытое лицо нашего существа, напоминая, что нельзя рассуждать о прощении, не простив полностью самого себя.

Господи! Ты испытал меня и знаешь.
Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю;
Ты разумеешь помышления мои издали.
Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня,
и все пути мои известны Тебе.
Еще нет слова на языке моем, — Ты, Господи,
уже знаешь его совершенно.

(Псалом 138, стихи 1-4)

* * *

Как многие женщины нашего века, я долго была наполнена горечью. Годами я смертельно сердилась на своего мужа. Все, что он делал, в его глазах было священо. Чем бы он ни занимался, это тотчас поднималось на пьедестал общего блага. Никогда речь не шла о нем самом, но постоянно о той задаче, которой он обязан был отдавать себя целиком и в сравнении с которой я просто не существовала. Он мне прямо сказал об этом однажды, вернувшись домой в поздний час, когда я пожаловалась на то, что ему звонят за полночь: «Ты – ты не существуешь». Онемев, я осталась стоять. Именно так оно и было, точно так, меня не существовало! Когда мужчи-

на вас обманывает, это, должно быть, ужасное страдание, но когда во имя обязанностей, которые полагают священными, вас абсолютно не признают, причем делают это совершенно сознательно, это тоже причиняет боль.

Я долго скрывала в себе свою любовь, смешанную с ненавистью. Однажды я решилась заговорить об этом с мужем и попросить у него прощения за свою злобу. Он не захотел понять. Не захотел копаться ни в моем сердце, ни в своем, ему это казалось чем-то нездоровым.

Тогда я взяла назад свое прощение. Оно стало условным. «Признай свою ошибку, и я все забуду». Это длилось годами. Я боролась, чтобы избавиться от горечи, отравлявшей мое существо, и дети это смутно чувствовали и тоже страдали по-своему.

Как-то раз приятельница посоветовала мне оставить бесплотные усилия и положиться на Бога, чтобы он меня освободил. Я уселась со своей раной, как слепец или прокаженный у края дороги в ожидании прихода Христа Спасителя. Прошло несколько месяцев или год после этого, не знаю, только помню как-то однажды в Святую неделю я напала на эти столь знакомые, но в этот день новые, обращенные ко мне одной слова: «Прости им, ибо не ведают они, что творят».

Мое прощение в условном наклонении не имело смысла. Именно потому, что мы сами не знаем, какое горе доставляем, когда его совершаем. Мы раним смертельно, не ведая об этом и чаще всего не желая этого.

Злобное чувство отделилось от меня, и таинственная сила, которая проистекает от истинного прощения, начала действовать без моего ведома. Это скрытая энергия, светоносная мощь, которая переходит от одного человека к другому, бросая вызов нашему слабому рассудку. Мы оба очень изменились. И мое сердце неожиданно переполнилось счастьем.

Это чудо супружеской пары, крепости, строившейся камень за камнем годами и теперь противостоящей лю-

бой непогоде. Ощущение твердой земли, последняя передовая линия против натиска старости, одиночества, смерти. Чудо супружеской пары, от которой родилась жизнь – столько жизней, которые продолжаются и раскрываются в другом месте, без нее – пары, обращающей сейчас взоры на другой берег перед одиночной переправой. Предстоит еще расставание, не то расставание, какое бывает у героев романа, не имевших времени любить, вместе жить, делить все, хорошее и плохое, но расставание существ, которые всегда будут присутствовать друг в друге, даже через толщу отсутствия.

Наши жизни сопряжены одна с другой. Мы видим себя такими, какие мы есть в зеркале другого сознания, оголенные и узнанные, обезоруженные и принятые. И два зеркала возвращают свой образ и замыкаются одно в другом, как моллюск-жемчужница на своей жемчужине. Настоящее все прикрыло, стерев в своей безмятежной полноте стычки, слабости, раны, словно не было ничего другого, кроме легкого счастья первых шагов во времена вальсов на ярмарочных праздниках. Но не счастье спаяло нас навсегда. Мы следовали за гробом, рука в руке, одинаково виновные, одинаково жертвы, разбитые, прощенные.

«Моя мечта, – говорила женщина на швейцарском телевидении, – любить одного мужчину. Но когда я оглядываюсь на свое прошлое, то вижу, что это мужчина несуществующего образца, который не принадлежит реальной, мелочной повседневной жизни. А десять – они замещают ненайденного единственного».

Единственный мужчина действительно ненайденный. Его не находят с первой попытки. В законченном виде, бесспорный, он существует лишь в иллюзии любви, считающей, что она нашла его сразу. Но стоит очарованию рассеяться, как единственный обнаруживает свою малость и ограниченность и возвращается в общий ряд. Тогда предпринимается серьезная попытка оставить его, чтобы найти лучшего.

Единственный редко встречается в законченном виде. Существует становление супружеской пары, которое происходит далеко не сразу. У каждого брака своя история, которая может закончиться очень быстро, в любой момент, после какого-нибудь спора, какого-то ляпсуса, когда говорят: «Это твоя беда», в то время как следовало сказать: «Это твоя победа». Любовь становится лишь скетчем, клипом, какие сегодня в моде. Ее лишают продолжительности, ампутируют ее надежду на вечность. Можно пройти через годы конфликтов, напряженности, озлобления, когда люди живут рядом, разделенные увеличивающейся бездной, но история не обязательно на этом заканчивается. Кризис не означает конца. Он может быть отправной точкой роста, изменения курса как для одного из супругов, так и для другого. Лишь со временем любовь супругов образуется, они научаются любить по-иному.

Любить с той строгостью любви, которая желает добра другому и умеет говорить «нет», и противостоять тому, что фальшиво. Как сердимся мы на мужчину, тиранию которого мы сами медленно, но верно питали из-за обожествления неизменного страха быть менее любимой.

Переходить постоянно от любви, которая хочет быть желанной и предпочтительной, к любви, которая несет и поддерживает; от любви, стремящейся завладеть всем у другого, включая его свободу, к любви, которая выше всего ставит счастье другого и открывает его своей судьбе. Принимать другого, не переставая видеть его отличным от других, способным измениться, — таким, каким он следует замыслу Бога. Терпеливо доводить любовь до спелости, как плод фруктового дерева.

Преодолеть также борьбу за власть — коварную, скрытую под тысячью форм конкуренции, соперничества, столкновения на словах и в поступках. Однажды эта борьба теряет всякий смысл в послушании семейному лидеру, его воле.

Единство супружеской пары основывается на цельности личности каждого из членов. Разделенные, расчлененные, какими мы чаще всего бываем, мы не можем понастоящему объединиться ни с кем. Лишь то, что цельно, складывается, не утрачивая себя, в более крепком единении.

Как трудно так любить, не прибегая к внутренней диктовке, к голосу в нас, который, разбирая конфликты, то указывает кто не прав, то оправдывает нас, но всегда подсказывает прощение. В конце пути с какой радостью и удивлением мы открываем присутствие того ненаходимого и единственного рядом с собой.

Различия продолжают существовать, причем такие же большие, как и в начале. Но поскольку мы считаем одни и те же звезды, устанавливается глубокое соответствие. И мечта о вечности, общности с любимым понимается иначе, чем в молодые годы, когда ее осуществление связывается с желанием, страстью и непреклонностью.

В вечер жизни без клятв и без фраз, сидя рядышком в молчании под звездным небом, мы глубоко вдыхаем аромат белых цветов жасмина и слушаем, как только для нас играет Клара Хаскиль, умершая много лет назад. Записали ее игру — и она жива, и жив Моцарт, раскрывающий нам свою душу. И мы, эти перебираемые ноты, мы, эти странные мелодии, не окажемся ли и мы однажды записанными так же, как звездная пыль, возрожденными вместе в памяти Бога?

Воскресение

В этот день меня не покидала мысль о воссоздании зрелища, которое заворожило меня в Цюрихе. Было шесть часов вечера. Я стояла у входа на мост Лиммот. Шел дождь. Мокрый асфальт отражал красные и желтые огни автомобилей и троллейбусов. Под светом высокого фонаря дерево блестело в ореоле множества золотых листьев. Оборачиваясь, я видела площадь и трамваи, скользившие вдоль освещенных витрин с выставленными драгоценностями, которые к Рождеству должны были быть заменены на новые.

Ступени набережной передо мной вели к тяжелым и сумрачным водам реки, где плавали два белых лебедя. В тысячах огней и в перекрещивающихся отражениях под большим позолоченным деревом была такая сила жизни, что я долго оставалась неподвижной под дождем, чтобы запомнить каждую деталь. Все было столь необычно, что возбудило во мне несколько недель спустя желание изобразить нечто подобное на полотне.

Я начала с самого прекрасного, о чем забыла упомянуть, — с того, как на город опускалась ночь, как темно-синий цвет переходил в черно-синий, словно таинственный фон людской озабоченности. Затем — дорога, проходящая перед магазинами, три пролета парапета и темная вода. Надо сказать, что я была очень подавлена. За исключением синевы ночи, мои краски были мертвенно блеклыми, и я не знала, что делать дальше.

Какими средствами передать на полотне магазины, автобусы и большое дерево под уличным фонарем? Я оста-

новилась, застопорилась. Совершенно не знала, что предпринять, и действительно не помню, что за этим последовало. Почему я вместо белых лебедей вылила в черную воду кровь – кровь моего сына? И плеснула ее также на дорогу, посветлевшую после свежего мазка. Сказали бы, что это следы крови на снегу. Какой игрой ассоциаций я переключилась на мысль о другой Крови, которая могла бы все смыть? И на фоне черно-синего неба я изобразила в бирюзовом цвете двух разбойников с искривленными от боли телами. Разница синих тонов позволяла им быть видимыми в ночи. Но как написать Христа? Я действительно не чувствовала себя для этого ни сильной, ни достойной. К тому же разве Он не был достаточно выражен Своим отсутствием, следами крови у подножия невидимого креста? Разве не могла идти речь просто о снятии с креста, ибо Христа и креста здесь не было?

Нет, все же было бы лучше написать только крест. Я собрала все свое мужество и, как осеняют себя крестным знаменем, набросила деревянный безупречно прямой крест. И увлекаемая им, взяла киноварь и единым движением, одним мазком, словно потоком крови, изобразила на кресте Христа, залитого кровью от склоненной к плечу головы до ступней. Все это было сделано как бы помимо меня, сверх моих возможностей.

Через некоторое время две мои приятельницы, одна за другой, без всякого вопроса с моей стороны, сказали мне: «То, что ты написала, это не Распятие, это – Воскресение». Не понимаю до сих пор, почему эти слова могли быть сказаны мне дважды. Я не вижу в этом Распятии ничего, подтверждающего их правоту, кроме того, что Воскресение жило во мне самой.

Когда умер наш сын, я сильно сомневалась. Что происходит с теми, кто отдает себя смерти, даже если к этому их вынуждает болезнь? Есть ли у них иная жизнь? Я больше не знала, во что верить.

А затем, около месяца спустя, пришло это письмо из Америки. Я получила его в Ко во время летней конфе-

ренции. Для участия в ней я была записана заранее, должна была провести там неделю и не хотела менять своих планов. Когда я прибыла туда со своей печалью, то считала себя в центре мировой скорби, но после нескольких дней поняла, что являюсь лишь слезой в океане человеческого горя. Было много других людей, которые потеряли мужа или жену, страну, дом, всякую надежду.

И в это самое время пришло письмо. Из Соединенных Штатов писал мой зять. Просто, самыми обычными словами он рассказывал нам, что с ним произошло. Был вечер, он лежал на своей постели, дожидаясь возвращения жены, которая укладывала малышей. И вдруг он видит моего сына, идущего по ровной тропинке. Он совершенно реален, и в то же время можно видеть как бы сквозь него. Сын продолжает двигаться вперед, и между зятем и им возникает мысленный диалог:

— Как ты?

— Мне хорошо, я теперь на хорошем пути и иду в правильном направлении.

Он в самом деле хорошо выглядел и, всегда такой нерешительный, шел очень уверенно.

— Мы молились за тебя каждый день.

— Это мне помогло, продолжайте.

— Молись и ты за нас.

— Буду молиться.

И поскольку он должен был вот-вот исчезнуть, мой зять быстро спросил:

— Могу я рассказать об этом Катерине?

— Да, ей и моим родителям тоже.

И все исчезло.

Как выразить мою радость? Я жила в пасхальном утре. Я хотела бегать, прыгать, кричать о великой новости. Мой сын жив. Для него не существует расстояния. Он проявляет себя в беспредельном мире Бога, продолжает жить за гранью наших чувств.

Для большинства наших современников жизнь *здесь* заканчивается со смертью. Почему? Если заглянуть в дале-

кое прошлое, все цивилизации, которые нам предшествовали, верили в существование иной жизни. И часто все то, что оставалось от них, это те сокровища, которые они помещали в пирамиды, склепы, могилы, пирогги, чтобы сопровождать умерших по ту сторону жизни. Мы первые, действительно не верящие более ничему, рассыпаем пепел наших умерших по ветру небытия. Мы обрекаем на бессилие наших горячо любимых умерших упорным утверждением того, что они не существуют. Это вовсе не они, мертвые, нас покидают, это мы отрываем себя от них, объявляя раз и навсегда, что они вне досягаемости. А если это мы сами из-за своего неверия держим их на расстоянии? Если бы мы говорили с ними как раньше, если бы мы продолжали вовлекать их во все, что с нами происходит, тогда, кто знает, может быть, они бы нам ответили, может быть, однажды мы перехватили бы какой-либо знак, одну из неожиданных милостей, явную или неувидимую, которые наполняют сердце непередаваемой радостью?

Речь идет не о том, чтобы боготворить тех, кого мы потеряли, и не о том, чтобы добиваться их появления различными оккультными средствами, а о том, чтобы стараться соединиться с ними там, где они пребывают, и Святой Дух Сам, если Он этого хочет и когда хочет, может своим святым промыслом предоставить нам знаки той жизни, к которой стремится наше существо. Он идет навстречу тем, кто верит, а не к тем, кто желает доказательств.

Я помню, как первый раз после смерти сына я принялась за живопись. Это был размытый пейзаж из туч и облаков с одной единственной приметой – белесой вспышкой в углу холста.

Я плакала и причитала:

– Подумать только, что ты больше никогда не увидишь то, что я делаю!

– Да нет же! – услышала я четкую артикуляцию, ворчливый тон, нетерпеливый, раздраженный степенью

моей глупости, неподражаемый тон его голоса, словно сын находился здесь, глядя поверх моего плеча.

Знаки значимы только для тех, кто их получает. Их смысл мимолетен, неуловим, непередаваем, но они сопровождаются в этот момент такой силой убеждения, что могут превратить в ликование самое глубокое отчаяние. Если бы тысячи, миллионы людей, которые получали эти знаки в течение жизни, могли, хотели об этом свидетельствовать, мрак смерти был бы не столь непроходимым. Мы почувствовали бы через разрывы иной мир, где продолжается жизнь.

Через несколько месяцев после смерти сына я написала рассказ об одном случае, который привел мое сердце к радости, и назвала его «Ножницы».

Я потеряла мои большие кухонные ножницы. Они были из серой стали, а ручки – красные, такие яркие, что их можно было увидеть тотчас же, открыв ящик стола. Куда они могли задеваться? Я их искала и там и здесь, но не очень настойчиво. Что-то говорило мне, что я их разыщу. Но все же это казалось весьма странным. Как могли исчезнуть такие большие ножницы? Может быть, я их выбросила в мусорный ящик вместе с очистками от моркови или лука? Или вместе с обрезками балконных растений? Моя прислуга была, кажется, в этом уверена: «Ведь подобрала же я однажды за мешком с мусором нож, а в другой раз – ложку». Я не мешала ей говорить, а сама продолжала искать.

Но где же они могут быть, мои ножницы? В голову приходят разные мысли. Иду прямо на балкон. Должно быть я забыла их около бака, закрывая розовые кусты. Спускаюсь в подвал. Напрасно... Проверяю клубни георгинов... И так день за днем... Но это же абсурд! Как я могла выбросить такие большие ножницы?!

Вначале я надеялась, что обязательно их найду. Была в этом уверена из-за голоса, который постоянно звучал во мне. Но проходили недели. Я перерыла все. Надежды больше не было. Значит, я их на самом деле потеряла.

Мне их невероятно не доставало. Я думала о них все время. Ведь это мой сын мне их дал. Я причитала: «Боже мой, если бы только я могла найти их, мои дорогие ножницы, красные ножницы моего ребенка, я хорошо знаю, что они пропали, попали на свалку, но если бы все же я могла, пусть это и невозможно, их найти, то смогла бы поверить в Воскресение. О Господи, прости меня, я не хотела говорить ничего подобного. Я ничего у Тебя не прошу. Ты мне говорил об этом уже столько раз! Я верю, и этого достаточно».

И вот я вхожу, не знаю зачем, в комнату, дверь которой оставалась закрытой. Переступаю порог, и мои глаза, как намагниченные, притягиваются к полке этажерки. Я вижу их там, мои серые с красным ножницы, спокойно лежащие перед книгами. Они находились все время в этой комнате, за этой дверью, смиренно ожидая меня, искавшую их повсюду.

Я беру их, бегу из одного конца коридора в другой, переполненная безумной радостью, кладу их в ящик стола и рыдаю от счастья. «О, мой воскресший сын!»

Вера в Воскресение не устраняет скорби, которая имеет свою протяженность. Только через семь или восемь лет я оказалась способной снова слушать музыку и поняла, что рана зарубцовывается. Но если что-то и меняется в нас благодаря вере, так это наши взаимоотношения со временем. Мы освобождаемся от наваждения прошлого и устремляемся в будущее. Мертвые – это особое средство привлечения, даваемое Богом, чтобы привести нас к Нему. Мы продвигаемся наугад с вытянутыми руками, ощупывая неосязаемое, отвергая ограниченность нашего разума и наших чувств. С годами перегородки падают. Сколько же всего мы не понимали? Мы двигаемся, бродим, не теряя дороги, пребывая внутри более высокой любви, чем та, которой мы жили. Мы проходим сквозь несметную рать, мириады свидетельств, обволакивающих наше дитя, и, успокоенные, возвращаемся к своим делам. Роли поменялись. Наше дитя нам предше-

ствует. Теперь оно знает об этом больше, чем мы. Тот, которого мы учили читать, теперь стал нашим учителем. Тот, которого мы произвели на свет, терпеливо учит нас родиться.

С лампой в руке

Я не всегда любила женщин. С детства жалела, что родилась женщиной. Завидовала свободе моих братьев, которые могли ходить куда хотят, в то время как я задыхалась в плену домостроевских перегородок, воздвигавшихся вокруг меня ревнивой любовью отца.

В университете, в то время когда появились «Девушки» Монтерлана, я удивляла товарищей своей солидарностью с этим женоненавистником и защищала грубый цинизм своего горячо любимого автора. Я действительно хотела быть мужчиной. Ни в чем им не уступая, я всегда находила более интересными абстрактные дискуссии приятелей, нежели женские беседы, сосредоточенные на конкретных личностях. Уже будучи замужем и имея детей, я всегда внимательно прислушивалась к мужским разговорам.

И в то же время, вызывая в памяти свою жизнь, вижу, что именно женщины определяли, как ангелы-хранители, веши моего существования на перепутьях судьбы. Они менялись, часто не зная друг друга, чтобы сопровождать меня туда, куда я должна была идти; вытирали своими волосами мои слезы; молились за меня, когда я шла ко дну; без банальных разглагольствований научили меня чувству юмора, умению радоваться, музыке, любви. Они смыли с меня горечь и открыли жизнь в Боге.

Женщины – музыканты, санитарки, учителя, врачи, продавщицы книг, имевшие профессии и необразованные, они являли собой подлинную любовь. Многие из них потерялись. А большинства уже нет в живых, и я не могу сказать им спасибо.

Любопытно, что ни замужество, ни материнство, ни одна из близких моему сердцу подруг не восстановили меня в моей женской сущности. Подталкиваемая стремлением к переменам в самой себе, чтобы изменить что-то в мире, стараясь раскрыть тайну внутреннего голоса, я, естественно, входила в контакт с женщинами, которые и в Швейцарии, и за ее пределами преследовали ту же цель. Этих женщин я не выбрала бы с первого взгляда. Они в своем большинстве не были ни артистичными натурами, ни интеллектуалками, но именно они во многом предварили тот путь, на котором я делала свои первые шаги. Они обладали богатым опытом жизни в Боге, победами над собой, обретением себя в религии, и их влияние распространялось далеко за пределы их семей. Они демонстрировали сложный механизм сердца лучше, чем я, и действовали абсолютно честно. Я была среди них как неофит, вошедший в их среду и сжегший все, что любил прежде. Не испытывая потребности утвердить себя писательской деятельностью или какой-либо карьерой, я только стремилась укрепиться в жизни на шкале своей индивидуальности.

Меня попросили выступить с беседами о женщинах. Это меня-то, которая всегда была от этого так далека! Было это в шестидесятые годы. Я изучала сочинения Симоны де Бовуар, Бетти Фридан, Эвелины Суллеро и позволила себе в разговоре о женщине и судьбах мира привести цитату первой из этих авторов. «Люди, которых мы называем великими, — говорила Симона де Бовуар, — это люди, которые так или иначе взвалили на свои плечи бремя всего мира. Они взяли на себя ответственность за эту огромную ношу. Этого не сделала и не смогла бы сделать ни одна женщина, ибо она никогда не могла смотреть на мир как на свою собственность, считать себя виновной за его ошибки, гордиться его успехами».

Принимая на себя ее вызов, я, однако, дистанцировалась от феминисток своего времени, которые рассматривали материнство как существенное препятствие для

самореализации. Симона де Бовуар ссылалась на опыт советской страны, чтобы дать представление об обществе, где мужчины и женщины пользовались абсолютно равными правами, где общество должно было взять на себя заботу о детях, где женщина, избавленная от бремени потомства, могла бы играть важную экономическую роль, которая давала бы ей возможность полностью проявить себя как личность. Что же касается Эвелины Суллера, то она предлагала максимально обобществить все домашние работы. Она ратовала за «планирование в национальном масштабе, чтобы очистить авгиевы конюшни, следуя новому методу, а не армией отдельных тружениц с архаичным способом уборки – каждая в свою сточную яму».

Мои взгляды на эпоху были твердыми и несколько не изменились. Я говорила тогда и всегда так думала, что фундаментальный выбор женщины заключается не между различными видами деятельности, а между занятием хозяйством у домашнего очага и работой профессиональной, которые в течение всей жизни должны оплодотворять друг друга. Выбор – на уровне самого существования личности, в тайнах наших побуждений: стремлении к власти или самопожертвования ради творческого замысла. Основной выбор – это выбор между всячески завышаемым представлением о самой себе и стремлением к цели, которая выше нас.

Я ясно различала свой путь, но шла по нему не без труда. Мои усилия, а часто и страдания были связаны со стремлением жить той жизнью, о которой я думала.

Долг для меня состоял не в отказе от писательской деятельности, даже если я ничего не писала на протяжении двадцати лет, а в следовании всему тому, что соответствовало моим представлениям о любви и ответственности.

Воля Господа по отношению к людям не одинакова для всех. Человеческие судьбы чрезвычайно разнообразны, и различие в частном выборе отдельных личностей со-

ответствует их способностям и жизненным ситуациям. Что не меняется, так это возможность для каждого опираться на Божественную поддержку или отказаться от того, чтобы тебя направляли.

В своих молитвах я нашла ту «комнату» для себя, в которую звала Вирджиния Вульф, тайное место, укрытое от взглядов, внешнего воздействия, где по-настоящему можно быть самим собой под лучами Абсолюта. Я видела себя при их свете такой, какой была, и в то же время такой, какой призвана стать при постоянном изменении. Утренняя медитация помогла мне обрести свою независимость скорее, чем любая внешняя деятельность. Я постепенно освобождалась от собственных и чужих цепей. Стала действовать согласно убеждениям, выработанным во внутренней «комнате», более, чем по автоматизму своего характера или мнению близких.

Идентичность для меня больше не была связана с сексом, степенью женственности или мужественности, которые содержит в себе каждая личность. Она не зависит также от значимости профессии или социального статуса, на который претендует множество женщин, чтобы ощутить себя состоявшимися.

Идентичность личности – это соответствие модели, печать которой мы носим. Быть личностью – значит раскрыть Божественный образ, заключенный в каждом из нас, проявить его, как проявляют негатив.

В тридцатилетнем возрасте я была свидетельницей ускоренного вылупливания женщин как бы из гигантского инкубатора. Это гипнотизирующий спектакль. Сегодня женщинам открыт доступ к использованию всех возможностей, предоставленных человеку. Не переставая быть женщинами и матерями, они теперь также журналистки, врачи, адвокаты, летчицы, менеджеры, государственные деятели. В каждой из этих профессий, недоступных в начале века, они преуспевают, открывая таким образом дорогу другим. Пионеры, посланные

на разведку на верхние ступени науки, политики или администрации, они приобретают все больший общественный вес.

Однако мое восхищение омрачается беспокойством, когда я вижу, что одновременно с этим наше западное общество движется к дезинтеграции. Одиночество захватывает и отдельные личности, и целые народы. И вот мы более не соединены друг с другом, а плотно пригнаны друг к другу, как песчинки в бесплодной пустыне горюдов. В Париже, как и в Нью-Йорке, один из двух жителей – одиночка. В других регионах Франции, как и в Швейцарии, одна семья из трех – бездетная. Одиночество молодых людей, холостых, незамужних, разведенных; семьи с одним родителем при одном ребенке; внебрачные мимолетные связи.

Женщины незаурядные, наделенные разными дарованиями, здоровьем, способностью зарабатывать деньги и за всем поспевать, создали иллюзию, что иначе жить нельзя, что все возможно получать одновременно и на самом высоком уровне, ни от чего не отказываясь. Не желая того, они многих ввели в заблуждение.

Сегодня женщины редко кажутся довольными своей судьбой. Большинство страдает от нервного напряжения, переутомления, депрессии, злоупотребляет лекарствами или алкоголем. Те, кто еще остаются у домашнего очага, чувствуют себя обесцененными по сравнению с теми, кто работает. Те, кто целиком отдаются своей профессии, сожалеют о тепле семейной жизни. А те, кто стараются совмещать день за днем материнство и профессию, постоянно ощущают, что не могут посвятить себя должным образом ни карьере, ни воспитанию детей.

Передо мной данные трех опросов, проведенных французским журналом «Le Nouvel Observateur», американским «Time Magazine» и передачей телевидения французской Швейцарии, датированные 1987 годом. Все они отмечают одиночество и постоянную неудовлетворенность женщин.

Согласно передаче швейцарского телевидения на французском языке, добрая четверть женщин между 30 и 50 годами, молодых, одаренных, обворожительных, живут одни с ощущением пустоты, периодами депрессии, когда читают коротенькие объявления, чтобы найти себе партнера на один вечер. «Это быстро, это то, чего хотят мужчины, и я тоже». И другое: «Есть тело, и все в нем, мне необходимо устроить для него удобную жизнь, которая должна была бы быть разделена более глубоко, но это невозможно, и вот я довольствуюсь тем, что делю его эпидермически, то есть через кожный покров. Я безусловно хочу очень многого, хочу, чтобы меня приняли с моими отказами, страхами, жизненными трудностями».

Женщины из «Nouvel Observateur» нам говорят: «Мы остаемся одни, потому что требования к браку безмерно возросли. Нужна любовь шестидесятых годов плюс сексуальность семидесятых, плюс личная инициатива восьмидесятых». Или еще: «Женщины ищут гармонии. Увы, надо было научиться разъединять чувство и секс. Но это у мужчин получается лучше, чем у нас».

Что касается американок из «Time Magazine», то им «это надоело». Несмотря на некоторое разделение обязанностей, они продолжают чувствовать себя эксплуатируемыми в браке. Поскольку старого разделения труда больше нет, муж стал бременем, а не поддержкой. Мужчины не могут ни слушать, ни выражать своих чувств. И статья заключает: «Женщины шатаются под тяжестью желания быть всем по отношению ко всему и ко всем. Сейчас они хотели бы, чтобы мужчины делали столько же. Но, допустим, если это произойдет и мужчинам и женщинам удастся играть все роли, будут ли они тогда еще нуждаться друг в друге?»

Эти женщины, возможно, составляют часть жертвенной генерации тех, кто последовал за лозунгами феминисток шестидесятых годов и, следуя за ними, попал в тушик мужской модели. В своем страстном желании ос-

вободиться от старых принуждений они переняли язык, манеру любить, стиль поведения и мышления мужчин. Они отлились в готовые формы, которые им предлагало материалистическое общество, основанное на соревновании, рентабельности, рациональности, и они стали жить новым добровольным порабощением.

Заблуждение – это часто вынужденный путь к истине. Феминизм достаточно эволюционировал на протяжении последних двадцати лет. Подражание мужчине уступило место поискам более глубокого самовыражения. Мы начинаем любить наше различие и дорожить им. Материнство вновь становится частью самореализации.

Мы живем в постоянно меняющемся мире. Мы освободились в значительной степени от атавистической Евы, женщины-лианы, которая могла жить и расти не иначе как обвившись вокруг семейной или мужской опоры. Но мы больше не хотим быть созданием, взаимозаменяемым с мужчиной. Нам надо воссоздать пару, прочные отношения мужчины и женщины в единстве любви и общей цели.

Никто в начале XX века не мог представить необычайный рост женщин через три-четыре поколения. И сегодня никто не может предвидеть последствий нашей эволюции, так же как и их воздействия на ход истории. Но мы можем своими поступками влиять на это неизвестное будущее.

В нашей власти жизнь и смерть западного мира, ибо мы контролируем его жизненную силу и способность к омоложению благодаря количеству детей, которых мы решаем произвести на свет.

В нашей власти еще более коллективизировать общество, в котором мы живем, без всякого политического выбора с нашей стороны, все более и более активно направляя в государство и его институты требования, касающиеся заботы о наших детях, их питания и воспитании.

В нашей власти расчлнить социальный организм, не поддерживая более сложную сеть человеческих обме-

нов, которые, как капилляры и кровеносные сосуды, заставляют циркулировать жизнь в этом организме.

У нас есть замечательная возможность возродить наш мир, вновь оживить его там, где мы находимся, — в домах, на полях и заводах, в парламентах и министерствах. Вместо того, чтобы дублировать мужчину в его погоне за властью, деньгами, производительностью, мы можем увлечь его за собой в другом направлении, произведя переоценку ценностей нашего времени и утвердив значение скромного, реальность невидимого, приоритет «быть» над «делать», царство Духа.

Задача колоссальная. Кажется, она за пределами досягаемости. Но уже почти повсюду на планете женщины, руководствуясь своей совестью, начинают бороться за то, чтобы обратить мир к ценностям, необходимым для его выживания. Они продвигаются шаг за шагом, с лампой в руке, заставляя отступить перед собой мрак.

Воплощенная любовь

Есть страны, где чувство гостеприимства столь сильно развито, что стоит человеку переступить порог дома, как ему спешат подать поднос с засахаренным померанцем, чашечку кофе или стакан воды. Вы можете сколько угодно говорить о том, что вы не голодны, не хотите пить, что сладости вам противопоказаны... Бесполезно. Вам придется пройти через это. И не откладывая в долгий ящик, наполнить собственную кладовую подобными продуктами, необходимыми для жизни в обществе.

Иногда, устав от кухни, я обращаюсь мысленно к родным и друзьям с вопросом: неужели мы не можем хотя бы однажды встретиться просто так, без еды? Но эти слова не слетают с моих губ. Я, слишком хорошо зная по собственному опыту, сколь холодной может показаться двухчасовая встреча в доме, где вам ничего не подают и даже не предлагают на словах.

Так что же, еда — это так важно? К чему столько разговоров о нашей пище? Неужели мы не в состоянии отмежеваться от этого постоянного обременительного спутника? Обойтись без него, получая радость от спокойных, духовно богатых встреч? Увы, нет, нам никуда не уйти от этого плетеного вместилища костей и нервов, мышц и кровеносных сосудов, который мы извечно перемещаем с собой. Наша плоть хочет получать свою долю любви и внимания. Мы не можем загнать ее в машину или привязать за дверью, как большую собаку. Без нее наши уверения в любви остаются абстракцией. Хлеб да соль, стакан воды — эти знаки дружбы напоми-

нают нам из глубины веков о нашем естестве существ во плоти.

Сегодня для домашних нужд мы придумали холодильник. Беда в том, что он не собирает вокруг себя людей, как добрый стол. Люди проходят один за другим перед его закрытой дверцей.

В Евангелии довольно много сцен, где люди едят. Некоторые даже упрекали Христа за то, что Он не постился, как Иоанн Креститель. Действительно, Он вкушал трапезу – как с праведниками, так и с грешниками. И поступая так, Он совершает возвышенный акт.

Когда Иисус приходит с другого склона жизни, чтобы после распятия встретиться со Своими последователями, Он приносит им отнюдь не загробные истории. Он говорит самые обычные вещи: “Есть ли у вас какая пицца?” И его узнают во время трапезы. Еда становится отличительным признаком, паролем Его воскресения. И во время последней встречи с учениками с какой нежной заботливостью Он разводит для них костер на песчаном берегу. Он жарит рыбу для этих изнуренных людей, всю ночь забрасывавших в море сети. “Приидите и вкусите”, – говорит Он им. И они понимают, что это был Он.

Не бывает ни одного праздника, ни одной годовщины, где встреча не закреплялась бы прочной основой хорошей еды. Есть – все равно, что петь. Совершить в одно и то же время это дарящее радость дело. Под разным небом – в Швейцарии, так же как и в Греции, – мы замечаем одинаковые жесты сотрапезников, то же братство вилок, втыкаемых в дымящийся фондю, блюдо из плавленого сыра с белым вином, или в холодные блюда из помидоров, творога и маслин, расставленные на столе.

Кухня – вершина воплощенной любви. За варкой варенья – откровенные признания, и мать уже здесь, озабоченная, внимательная, делающая вид, что ничего не произошло. Сердце ребенка расширяется, выпрыгивая в жар и дразнящий запах кушаний. Преображаемые памятью, наши любимые окружают мать ореолом вечной любви.

О, эти незабвенные неподражаемые баловни-артишоки, окруженные прекрасным ожерельем мелких белых луковиц, плавающих, подобно жемчужинам, в безмятежном блаженстве. Или эти глянцевого цвета помидоры, царственно восседающие на рисовом постаменте, сверкающие, блестящие, томившиеся на медленном огне в масле и сахаре. А шоколадный крем, смешанный с шестью яйцами! Он призывал меня, и я прибежала соскрести сладостные следы на стенках и на дне кастрюли.

Но вы, сыновья, остерегайтесь вспоминать в присутствии ваших жен блюда, которые готовила ваша мать. Не идеализируйте их чересчур в ностальгии по ее любви. Всякий раз, когда моя мать ставила на стол жареные биточки или подавала блюдо, на котором высилась белая пирамида макарон с миндалем, отец не забывал расхвалить рубленное мясо, которое долго и тщательно разминали руки его матери, или настаивал на абсолютной необходимости ступки, что якобы способствует полному распусканию сахара в миндальном масле.

Мечты моей матери в конце ее жизни! Когда звонили в дверь, она бежала открывать, иногда это был отец, руки у него были заняты чемоданами. Но чаще всего оказывалось, что это дяди, тети, друзья, ныне уже покинувшие этот мир. И неизменно была еда, которую мама тщательно готовила. Какой аромат распространялся из кухни! Она шла туда, наклонялась над плитой... и ничего, ничего больше не осталось, кроме пепла, запаха гари, ее жизни, развеянной в дыму.

Да, сколько усилий, сколько труда, беготни, топтания на месте, спешки, забот и ожидания счетов и расчетов, перевозок, переносок в корзине, сколько хлопот, беспокойства, чтобы полными лопатами питать жизнь, подобно машинисту, который засыпает уголь в ненасытную топку паровоза.

А уж эти на скорую руку приготовленные блюда! И они тоже прошли, тоже исчезли, рассеялись, эти священные громады наших усилий, эти груды оскребков, очисток,

обрезков, кожуры. Если сложить их в ряд, они могли бы трижды опоясать землю, эти горы пищи, съеденной только одной семьей в течение жизни, эти гималаи остатков костей, кожи, скелетов, нервов, жилок, крышек от банок и пробок от бутылок, картонных коробок — все то, что мы стремились быстрее уничтожить как тягостные следы нашей животной природы.

Да, повседневный, бесконечный, как у Сизифа, труд, чтобы увековечить жизнь, которая уходит, истекает без конца из нежного, молочного тела малюток в дряблую кожу старцев; жизнь, которая движется вперед, отступает, стирается и вновь идет на приступ, как гребень пены на песок, и единственное, что не гибнет, что следует за нами и даже втайне опережает нас, это любовь матерей, воплощенная в ежедневной пище, та самая любовь, что жарит рыбу на песчаном берегу и отдает себя еде из века в век, и так до конца времен.

Незримое присутствие

Не знаю, существуют ли в мире пластики более верное и в то же время вызывающее содрогание изображение любовного слияния, чем то, что представил Эдвард Мунк в своем знаменитом «Поцелуе». Мы далеки от «Поцелуя» Родена и этих бесчисленных обнаженных сплетенных тел, от нимф, фавнов и купальщиков, к которым нас приучили скульптура и живопись.

Здесь же влюбленные одеты с головы до ног во все темное. Выделяются только светлые пятна четырех рук – тех, что держат талию возлюбленной, и тех, что лежат на плечах любимого. Всего одно лицо, одно единственное для четырех рук, лицо мужчины и женщины, слившихся в поцелуе. Различимы ухо и черная шевелюра мужчины. Все остальное – это чудовищное бесформенное пятно без носа, без рта, без глаз.

Более привычно изображение любовного соединения в литературе. Тристан и Изольда, Иса и Меса, Шевалье и Ундина переполняли восторгом наши юношеские грезы. На Карте Нежной Любви, на пересечении дорог мы видели, как соединялись влюбленные, чтобы вместе устремиться навстречу своей гибели. Поэтическое преобразование страсти воспитало в нас сладостное ожидание Любви с большой буквы. Бодлер, Клодель и Жироду были нашими учителями любви. Любовь обрушивалась на свои жертвы: «Это был он; это была я». И начинался бег с препятствиями, отчаянный слалом между разного рода запретами, которые устанавливали между влюбленными мораль, религия, семья, законы общества. Прежде все-

го и больше всего о любви, а не о мужчинах мечтали мы во дворе нашей «Школы жен», готовые на все ради этих высочайших радостей, этих адских погружений, этого отчаяния, когда жизнь вдруг останавливается: «Конечная остановка. Все выходят!», — и нет продолжения, нет больше жизни, но это только до одного-единственного письма, до взгляда, позволяющего все возвратить.

Мы почти не были знакомы с сексуальной материей. Вчерашние романы были менее откровенны, чем сегодняшние, кино еще целомудренным, школа, родители, газеты бессловесными. Наш любовный язык не знал современной терминологии. Нам была безразлична точная локализация удовольствия. Мы хотели большего, совсем другого, любви *in extenso*, а не ее физиологического выражения.

Сегодня ничто более не является помехой между желанием и его немедленным удовлетворением. Никакое препятствие — существующие нравы, верования, среда, расовая принадлежность — теперь не усиливает страсть, не разжигает то губительное пламя, в которое мы так хотели броситься.

Какая же она короткая эта сегодняшняя любовь! Неизбежность не переворачивает ее больше на горячих углях. И благодаря технике мы избегаем последствий наших действий. Это верно, что каждому веку присущи свои болезни. И будем ли мы сожалеть о вчерашних пожарах ради сегодняшних коротких замыканий? Как могли бы жить вместе Тристан и Изольда, если бы, как говорится, «жизнь» их не разлучила? Спорили бы они между собой, как все в мире? Могли бы они просто-напросто развестись, вместо того чтобы погрузиться в болезнь, смерть, безумие или сочинительство, подобно тем, кто попытался достичь абсолюта, обнимая тело?

История не говорит об этом ничего. Она не имеет продолжения, как хороший фельетон. Это «прощай навсегда» обеспечивает продолжительность их любви только в нашей памяти.

Любовь не была первостепенной проблемой для поколений женщин послевоенного времени. Они должны были многое сделать, чтобы самоопределиться, изучить широкое поле знакомств и деятельности, открывшееся перед ними, и подумать над обновлением своего взгляда на любовь.

Они видели, как любили их матери, и это не возбуждало в них зависти. С одной стороны – дом, самопожертвование, скромность задач, бесконечный перечень обязанностей; с другой – свобода действия, инициативы, решений, поглощение увлекательной деятельностью, больше прав, чем обязанностей. Как не захотеть поменяться ролями? Было велико искушение взять за образец мужчину как в любви, так и во всем остальном. Женщины подражали мужчинам в том, в чем ранее больше всего их упрекали. Они научились разъединять физическое удовольствие и любовное чувство. Освобожденные с помощью пилуль от детей, они тоже поверили в возможность предаваться случайной любви, связям без будущего, ускользая от принуждения к более долгим отношениям и обязательствам. Если они выходили замуж, то делали это, как бы объединяясь для предполагаемого комфорта жизни вдвоем, куда каждый вносит свое дело и свое жалованье и где у них общие дети и совместный досуг. На деле такой союз задуман только для хороших дней. Если что-то нарушается, он или она могут взять назад свой вклад без особого ущерба.

Для женщин этих двух поколений поиск своей подлинной личности преобладал над всем остальным. Кто я, и что я могу? Даже если эти мысли и эта борьба были свойственны лишь меньшинству женщин, исключительно одаренных, они определили выбор и поведение миллионов женщин во всем мире.

Помню, что после кончины Симоны де Бовуар я услышала по радио выступление молодой женщины, выразившей свою признательность писательнице, изменившей ее жизнь. Она радовалась первому разводу и отношении

ям, трудным, но честным, которые у нее сложились с ее другом под влиянием автора. Чувствовалось, что успех в любви значил для нее меньше, чем достигнутые свобода и определенность.

До каких пределов и сколько времени можно жить любовью без любви? Упорная борьба за равноправие, постоянные расчеты и подсчеты вклада каждого из супругов в повседневной жизни, разве совместимо все это с даром безвозмездного капиталовложения, свойственно подлинной любви...

Как снова вложить любовь в сердце любви, единство в раздвоенность? Возможно ли еще жить в повседневной любви всегда? Если это могло быть у других, у тех, кто был до нас, то почему не у нас? Ведь нет нового взгляда на любовь, современного определения того, что не меняется, что существует из века в век, постоянное в самой своей сути?

«Когда-то очень давно, — говорит нам поэт-сатирик, — люди выглядели сферическими созданиями, наделенными четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя одинаковыми лицами. Они могли двигаться в двух направлениях или, подбрасывая ноги в воздух, крутиться с большой скоростью на восьми своих конечностях, как акробаты, которые делают колесо. Но однажды Зевс, чтобы наказать их за спесь, разрезал их посередине наподобие камбалы. С тех пор они ищут свою половину. И с тех самых пор любовь начертана в сердцах людей, чтобы воссоздать первоначального человека, слить два создания в одно целое».

Это Аристофан за четыре столетия до нашей эры в своем «Пире Платона» выразил в присущей ему манере сущность любви. «Когда-то мы были одним существом. Желание и поиск этого воссоздания и называется любовью».

К несчастью или, скорее, к счастью, оказывается, что две половины камбалы далеко не одинаковы. Без сомнения, наша природа инстинктивно толкает нас всегда

желать, чтобы тот, кого мы любим, был во всем похож на нас, и мы стараемся в нашей собственной жизни соединиться в одно целое, подобно клетке, которая увеличивается за счет поглощения соседней клетки.

До сих пор вижу черную доску, на которой наш учитель биологии рисовал мелом две клетки простейших и показывал нам последовательные фазы их слияния, так называемый фагоцитоз. Было видно, как клетки приближаются одна к другой, как у первой в центре образуется полость, она двумя своими выростами обхватывает другую и втягивает в себя. А та, схваченная таким образом, полностью поглощалась и исчезала. Партия была сыграна, единение состоялось.

Легко создать целое, когда один жадно поглощает другого, чаще всего при соучастии партнера. Деятельность, вкусы, интересы, суждения – все может казаться абсолютно одинаковым у одной пары. Более сильный отдает другому чувства, которые он часто испытывает один, но говорит гиперболическое «мы» с большой буквы там, где, пожалуй, было бы уместнее сказать «я».

Сколько женщин идет на этот консенсус, чтобы нравиться и быть любимыми, слабо протестуя: «Он меня съедает, он меня пожирает». В результате они не вызывают у своего партнера ничего, кроме пресыщения и неприязни.

Однако в Ветхом Завете и у Платона постоянно присутствует одно и то же стремление к единению, которое утверждается одним и тем же призывом: «Будьте едины!» Но о каком единстве здесь идет речь? Должно ли оно основываться на сходстве, доводящем до идентичности? Может быть, любовь – это божественное повторение того же создания? И надо ли нам, для того чтобы любить, походить друг на друга, как эти клоны, серийным производством которых нам угрожает биологическая наука?

Но природа с ее цветами, птицами, рыбами – какое восхитительное многословие в ее речи! Не чудесно ли,

что во всем мире нет двух одинаковых листиков, двух одинаковых отпечатков пальцев? А иммунные отклонения разве не доказывают, что каждая из наших клеток – подлинник, скрепленный подписью документ?

Любовь – это свободное и обоюдное присоединение двух существ к чему-то более высокому, чем они сами, что они предчувствуют друг в друге и что нельзя удерживать в одиночку. Их жизни текут, как вода, к просторному океану правды, красоты и добра.

Любовь исключает всякое принуждение. Это не иерархические отношения, где один решает, а другой повинует, и отнюдь не подгонка желаний, где каждый делает то, что ему вздумается. Любовь это не тот или другой, а и тот, и другой вместе, движимые тем же духовным началом, которое не является принадлежностью того или другого, но отдает себя обоим. Любовь – жизнь, пища и взаимный рост.

Любовь в своей самой взыскательной и прочной форме – это игра втроем, где двое партнеров либо осознают, либо нет незримое присутствие Третьего. Оно всегда здесь, но его так мало признают, так мало знают, как к нему прибегнуть приобщить его к своим действиям. Оно включено в раздачу карт, составляет часть любовной игры. Оно знает все карты, в любой момент может сказать, где козырь, какую вытащить карту, кто сплутовал, как вернуться на зеро.

Да, невидимый Партнер существует, и Он относится одинаково к каждому из игроков, никому никогда не давая привилегий, может в любой момент, если это примут, представить Свой взгляд арбитра на партию. Можно довериться Ему, чтобы узнать не о том, кто виноват и кто прав, но о том, каким словом, каким правильным действием выйти каждый раз из затруднительного положения.

Как обойтись без добрых услуг любовного посланника, который снова зажигает любовь на точке ее угасания в резком столкновении двух *ego*? У каждой пары существу-

ет идеальный возлюбленный – это мир и утешение, прощение. В полном до краев уединении, которое Он распределяет, они поочередно купаются, окунаются снова, возрождаясь обновленными в своем естестве.

Именно в конце жизни более, чем в ее начале, те, кто любят друг друга, достигают состояния полного единства. Их находят неразрывно слитыми и в создании живых существ, и во всех творениях и начинаниях, задуманных вне их самих. Если взглянуть назад, то станет видно, как сближаются их шаги и следы ведут на одну тропинку. Противоречия, охлаждения, напряженность, разлады, новые встречи отныне только последовательные фигуры этого *pas de deux*, где мужчина и женщина следуют друг за другом, расходятся на некоторое расстояние, а затем воссоединяются, чтобы более не расставаться.

Даже смерть не может их разлучить. Потому что таинственный Партнер следует за ними от одного берега к другому, и Его дела, Его невыразимые послания ткнут над бездной, которая их разделяет, ткань новой жизни.

Разговор о могуществе

Какое странное занятие – перелистывать через тридцать лет тетради, заполненные заметками и рассуждениями на тему о могуществе. Все, что ты об этом думаешь и считаешь плодом недавних размышлений, уже находится здесь, записанное на своем надлежащем месте. Кажется, что эта тема не продвинулась ни на шаг на протяжении всей жизни! Неужели все эти годы текли без пользы?

И в то же время все, что было записано, представляется истиной, но истиной застывшей, лишенной гибкости жизни. Это как бы чертеж архитектора. Да, все здесь есть, входы и выходы, кулуары и двери, вплоть до количества черепицы. Но это только схема, лишенная объема. Туда нельзя войти, как в дом из камня или дерева. Так я думаю об этом сейчас, не изменившаяся в своей сути, но мыслящая уже не в двух, а в трех измерениях и учитывающая всю полноту жизни, выстраданной, переосмысленной.

Жить – это, наверное, возможность переходить из одного измерения в другое вплоть до узкого горла смерти. Итак, не забыв ничего из того, что мы поняли, мы попадаем в новую пространственную реальность, без дверей и окон, чтобы пробежаться по ней одним единственным взглядом в безграничном настоящем. Вот уже много лет я хотела написать сама, своими силами собственные рассуждения о могуществе. Теперь срезанное дерево снова появляется из пня, упрямо пуская новые ростки на том же месте, славя Божественное могущество, всегда во всей полноте откликающееся на каждое

твое отречение. Прошлое и настоящее объединяются, чтобы вместе воспеть непостижимое величие Бога и вечность человека, привитого на Его древе. Старые змеиные слова: «Вы будете, как боги», — трансформируются в мечту о возрожденном обществе, где мужчина и женщина — эти создания Бога — вместе строят свои планы и трудятся над их воплощением на земле в суетной повседневности.

Если бы надо было найти в разнообразии человеческих цивилизаций общую для всех идею, позволяющую соединить пещерного человека с человеком межзвездных пространств, я не увидела бы ничего более глубокого и более универсального, чем тоска по могуществу. От первобытного общества до наших дней все усилия людей — называйся они магией, наукой, искусством — были направлены на то, чтобы разными путями достичь такого благополучного образа жизни, где мысль порождает бытие, где понятия «назвать» и «создать», «сказать» и «сделать» совпадают. Да будет свет! — И вот он уже сверкает.

Образ бесплотный, свободный от ограничений давящей материи. Ничто в природе не предлагает этого человеку. Какой груз надо поднять, чтобы сделать только один шаг! Какое расстояние между самым скромным нашим желанием и его исполнением, сколько противоположных веяний, какое многообразие средств! И однако — воспоминание ли это, желание или реминисценция, но наш разум непреодолимо сообщает нам то состояние могущества, где внутреннее представление и его внешняя форма совмещаются и где материя, покорная нашему желанию, готова на любые метаморфозы, подсказываемые разумом.

Всемогуство — это мысль, осуществлению которой ничто не препятствует. Мы не находим его нигде, кроме как первоначально заложенным в Боге. В то же время всякая земная власть, каждый тиран, каждый смертный, как лягушка из басни, грезят о нем и из всех сил к нему стремятся.

Примитивные народы искали могущества так же, как и мы. Несведующие в законах инкарнации, они поверили в разум как в грозную силу, способную порождать в природном мире мгновенные события, без всякой связи причин и следствий. Они использовали магию, как мы гидроэнергию, чтобы приручить окружающие силы. Они думали, что достаточно сконцентрировать разум на желании, чтобы видеть его выполненным, что можно принести смерть человеку только одной мыслью об этом.

Сегодня наука заменила магию. Благодаря знаниям и контролю над естественными механизмами мира она превращает в реальность времени и пространства желания, проекты и мечты человечества и позволяет нам в некотором роде удовлетворить наше исконное стремление победить свободу, вездесущность и силу Духа. Вкупе с деньгами наука дает нам возможность преуспевать в опыте могущества.

Какое избавление от ограничений человека за одно столетие! Мы заменили волшебную палочку кнопкой. Мы видим и слышим на расстоянии. Голоса дорогих нам людей доносятся к нам через океан. Наши глаза ловят телепередачи с другого конца земли. Мы летаем в небе. Обогреваем себя и освещаем себя благодаря невидимой энергии, скрытой в недрах материи. Мы умножаем операции нашего мозга и интегрируем знания всего человечества в памяти, которая превышает все наши возможности. Как территорию, отвоеванную у моря, мы продлеваем нашу жизнь более чем на двадцать или тридцать лет. И теперь мы работаем у корней бытия. Мы дешифруем ген за геном код человека, чтобы стать способными не только исправить изъяны, но и перемоделировать его природу.

Мы терпеливо осуществляем вечную мечту человека стать демиургом. Не являемся ли мы уже сейчас богами, сотрясая древо познания и собирая золотые листья?

Но не триумфальные песни слетают с уст поэтов, писателей, с полотен художников, которые чувствуют за нас и показывают нам то, что мы собой представляем.

Какое страшное зрелище являет современный человек! С него содран пурпур его высоких дел, он весь в лохмотьях, обезображенный, искалеченный, измученный. Человек страданий Бухенвальда, книг Бэкона, Беккетта.

В сердце обычного человека, живущего в великую эпоху человеческого могущества, нельзя найти ничего, кроме постоянного чувства немощи. Что делать, говорим мы, мы ничего не можем, это от нас не зависит. И еще: чувство страха перед этой неуправляемой силой, которая может все больше и больше, но точно не знает, чего же она хочет.

И действительно – стоит только почитать газеты, какое убожество! Мы не решили ни одной из вечных проблем человечества. Еще существует голод, как и в первый день, голод для миллионов человеческих созданий, еще существуют войны между нациями, расами, классами и даже внутри семей.

Наше могущество, распространявшееся на мир природы, могло экспериментировать на нем, не разрушив его по крайней мере до сегодняшнего дня. Применительно к человеку оно наталкивается на его свободу и, если выходит за пределы, то искажает его, превращает в объект. Могущество, благотворное само по себе, меняет свой полюс, становясь силой, поработавшей человеческое существо.

Мы живем сегодня при господстве насилия во всех его формах принуждения: власти денег, техники, оружия. Действующее право пытается сдерживать силу и определять ее границы, но оно действует только путем принудительных санкций и способно лишь уменьшить папосимый ущерб. Человеческое сердце оно изменить не может.

Существует иная сила, нежели наша, иное, проявляющееся во всей вселенной Духовное Начало. Его воля и намерения не могут быть постигнуты. Его действия не могут быть контролируемы. Мы свободны Его игнорировать или Его признавать, и Оно позволяет нам при

известных условиях входить с Ним в контакт. Божественный Дух имеет возможность общения с человеческим разумом, может включать то, что Он хочет нам сказать, в нить наших мыслей. Он может, если мы Его призовем, рассеять наши страхи, погасить злобу, унять наши муки. Он может также приобщить нас к Своим творческим замыслам и провести через лабиринт жизненных обстоятельств и случаев благодаря Своему Божественному провидению, что мы обычно осознаем лишь задним числом. В противоположность человеческой силе, мощь Божественного Духа всегда уважительна к нашей свободе. Отвергнутая, она отступает. Исчезает, оставляя за собой пустоту, полное безмолвие.

Научиться слушать – первый акт веры. Есть ли кто-нибудь на другом конце провода, кто расположен нам ответить? Это разумеется само собой. И как различить среди всех тех мыслей, которые нас посещают, те, которые исходят не от нас? Мы блуждаем в иррациональном пространстве. И если предположить, что одна из этих мыслей нас побуждает к жестам, действиям, которые нам совсем не нравятся и даже противоположны нашему желанию, последуем ли мы им или нет? Кто же хозяин нашей жизни, мы и только мы или кто-то вне нас? Столько вопросов, которые останутся без ответа, пока мы будем отказываться от попытки довериться эксперименту. Один эксперимент подтверждается только другим экспериментом, независимо от возражений нашего рассудка. Миллионы людей погружались прежде нас, как водолазы, в глубокие воды внутренней жизни и в какой-то степени передали нам свои открытия.

Бог говорит человеку. Он говорит из чистой милости, но также и в соответствии с искренностью наших поисков, терпением в нашем умении слушать, нашей готовности довериться Его воле. Наша молитва приводит в действие Его силу – силу, изменяющую наши сердца и удовлетворяющую наши заботы.

Если сегодня и существует такой разрыв между тем,

что мы хотим и тем, что мы можем, то это потому, что мы не полагаемся более на могущество Бога. То, чего нам недостает – это дыхания души. Чем становится наша плоть, если мы плохо дышим? Она чахнет и, если мы прекращаем дышать, гибнет. Так и наша духовная сущность, которая должна разветвляться день за днем под дыханием жизни, чтобы направлять свою повседневную энергию, изгонять горечь, злобу, уныние и отдавать себя в распоряжение замысла Творца.

Наше общество терзают разложение естественных связей и растущая разобщенность индивидуумов. Это формы разрыва с Божественным Духом, с Его святым Промыслом объединить создания между собой, спаять их воедино.

«Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф». В этой цитате из книги пророка Захарии, глава 4-я, стих 6-й, речь идет о реконструкции Иерусалимского храма при возвращении иудеев из вавилонского плена в 573 году до Рождества Христова. Но для нас, детей нового общества, которые поклоняются не только в храмах, но в духе и истине, дело, которому служат в бесконечном напряжении, это построение мира справедливости и спокойствия, бесконечно близкого нам в каждом проявлении любви и вместе с тем бесконечно далекого.

Мы живем во времена излияния Святого Духа, завещанного не только святым и пророкам, но каждому человеку, готовому войти в контакт со своей внутренней сущностью и воспринять опыт слушания. «Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, – это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?» (там же, стих 10-й).

Изменить одно человеческое сердце, наше сердце, могуществом Святого Духа – в наших возможностях. Нам следует твердо держать строительный отвес в нашей руке, но не для того, чтобы усладить себя своей правотой, а для того, чтобы возвратить способность возводить – камень за камнем – Его Царство.

Мир, нуждающийся в спасении

Всплывает одно детское воспоминание. Залитый солнцем сад, смоковница, одни дети на дереве, другие – под ним. Голос женщины, которая читает. Я еще не все понимаю. Я – младшая, самая незаметная в семье. Мне, должно быть, года четыре или лет пять. Мое сердце целиком поглощено рассказом: с ребенком на руках бежит женщина, преследуемая людьми, которые хотят ее убить. Она перепрыгивает через речку в сверхчеловеческом усилии, чтобы спасти свое дитя – и как будто это я прыгаю вместе с ней огромным прыжком, отделяясь от самой себя.

На этом воспоминание обрывается, словно подрезанное под корень. Полный разрыв, перелом, отъезд из дома на Принцевых островах. О, как обманчиво это название! Принцы островов? Да! Но принцы слепые, евнухи, сосланные на эти островки Мраморного моря в двух шагах от Византии дрожащими за свою узурпированную власть императорами.

На протяжении нескольких лет я была в неведении относительно названия книги, содержащей историю, прерванную капризом памяти или в связи с окончанием наших детских каникул. И только намного позже, читая «Хижину дяди Тома», я встретила там черную рабыню, преследуемую мужчинами и их собаками и прыгающую через речку с ребенком на руках.

Но больше всех подробностей этой истории я запомнила прыжок во вне от самой себя. И ведь это не случай-

но, если и сегодня ко мне возвращается образ этой женщины, которая устремляется вперед, в пустоту, идет до конца и еще дальше, чтобы спасти то, что она любит. Этот абсолютный порыв – суть женщины.

Как поддержать этот полыхающий огонь? Какой ревностной защитой, какими приходящими извне силами спасти то, что рискует погибнуть? И это не только ребенок, но и весь мир, в котором мы живем.

Мир – таков, каков есть, ни к чему описывать. Газеты и телевидение и без того выплескивают на нас все крайности человеческой несправедливости и жестокости. Мы видим нашу цивилизацию, шатающуюся в своем основании, в то время как в планетарных масштабах создается новый мир. Какое творческое воображение руководит его становлением? В каком направлении нам бросить мяч, чтобы затем побежать за ним? Это направление может быть указано тысячами, миллионами женщин, которые подчинятся внутреннему голосу и осуществят переоценку ценностей своего времени.

Ценности, определяющие наше общество, отнюдь не способствуют его расцвету. Сила, могущество, престиж, деньги, секс, успех – вот те идолы, которым мы ежедневно приносим в жертву нашу радость и наше спокойствие.

В то время как мы теряемся в общественных проблемах все возрастающего масштаба, осуществить переоценку ценностей – это значит возвратиться тому, кто мал, скромн и слаб, его достоинство и значительность. Вместо того чтобы скитаться на периферии нас самих, надо вернуться к внутренней сущности, откуда проистекает все созидательное и утверждается реальность того, что невидимо происходит в глубинах сердца. И в то время, когда одиночество распространяется над городами, это постепенно становится ответом на страшный голод любви у людей нашего времени.

Царствование или Царство?

Ева и Мария стоят на пороге Ветхого и Нового Заветов как две симметричные женские фигуры, открывающие и затворяющие врата жизни. Женщина из мифа и женщина из священной истории таинственным образом соответствуют друг другу в слушании слов, которые проходят через них, предшествуя их собственному существованию.

Ева – это вода, источник и фонтан, чистая вода. Она дает жизнь, утоляет жажду, омывает и очищает. Вместе с тем это вода, которая может быть опасной, которая растекается, все покрывает и топит.

Ева мифическая, Ева атавистическая сделала выбор. Она – вода, принимающая форму любого сосуда и сохраняющая эту форму до тех пор, пока находится в нем. Она вливается в живые существа во всех землях, заполняя все излучены, и, следуя их наклонностям, проникает в самую бездну.

Она сделала свой выбор: быть ничем, самой по себе, чтобы стать всем для других. «И ею схвачен тот, кто сам хотел схватить.» Она отдает себя, чтобы завоевать, отступает, чтобы завладеть. Она правит по доверенности, через других, прибегая больше к слабости, чем к силе, используя слезы, жалобы, недовольство, недомогания столь же надежно, как прелесть и красоту.

Под первозданным древом на перепутье ангелов Ева слушает, открывшись и внимая словам, которые про-

износятся где-то в глубине и как бы вне ее. «Вку-си... вку-си... — свистит змей, вливая по капле свой яд, как и она тоже скоро научится это делать, — если вы съедите плод этого дерева, вы не умрете, вы станете как Боги».

Ева не искусительница. Она передает эстафету искусителя. На самом деле сатана метит в Адама. Но он знает, что, используя Еву, он сумеет лучше убедить его. Ибо Ева знает Адама лучше, чем он знает себя сам. Чтобы понравиться Адаму, заставить полюбить себя, сделаться ему необходимой, стать всем для него, оставаясь в то же время самой собой, она идет навстречу тайному его желанию, в котором он не может признаться даже себе, желанию быть как Бог, сделаться подобным Богу. Она летит ему на помощь, она отвязывает его от его совести, как отрезают бечевку воздушного шара.

Отныне и навсегда она царствует над нами, вся — любовь, понимание и угождение. Ева — посредница, обязательный переход Святого Духа, предлагаемый ответ на сомнения и обманчивые представления мужчины. Быть единственной необходимой — в этом ее смысл, ее резон.

Мария — самая революционная женщина в человеческой истории. Первая, освободившаяся полностью от всех человеческих побуждений, чтобы повиноваться только одному Господину, Которого Она почувствовала в Себе, источнику и гаранту Ее свободы. Говоря о себе «раба Господня», Мария воплощает полную независимость женщины по отношению к мужчине. Мария — это освобожденная Ева, которую воспевают на каждой литургии.

Одним «да», четким, ясным, бескомпромиссным, царственным «да» она разбила все цепи — и те, которыми мы прикованы к своим импульсам, и те, которые нас отделяют от других.

Мария сказала «да» самому безумному слову, когда-либо обращенному к женщине: «Зачнешь во чреве, и родишь Сына... Дух Святой найдет на Тебя». И ее «да» тоже было

безумным. Говоря «да», Она рисковала всем, Ей грозило побивание камнями до смерти, обычная в то время судьба женщин, совершивших прелюбодеяние, а если не смерть, то все равно позор для Нее и для Ее семьи, всеобщее презрение, погубленное будущее без мужа и без детей. Одним «да» Она оборвала все концы, поступившись возможной семьей, женихом, общественным мнением, мечтами о спокойном личном счастье.

«Раба Господня». Она была такая малая точка в космическом пространстве, где всецело господствовала воля Бога, такая преданная, такая верующая, что Всемогущий избрал Ее как плодоносную почву для воплощения Своего Духа. В противоположность Еве Мария не стремилась кем-то владеть или управлять. Равнодушная к царствованию, она стала благословленной землей Царства.

Вынашивая Мессию, Мария приняла на себя бремя мира — его бремя благодати и бремя греха его. Она передала намерения Господа Бога. И исполняя волю Его, оказалась лицом к лицу с человечеством во всей его совокупности, настоящей и будущей. Едва Христос был зачат в Ней, как Она радостно запекает песню благовещения. Она славит пришествие нового, невероятного мира, такого, какого еще никогда не было, мира наоборот, вывернутого наизнанку, как перчатка; такого мира, который представляется нам, когда мы мечтаем о всеобщем счастье и благоденствии, ради которого столько людей умерло и продолжает умирать с оружием в руках; мира, в котором гордецы будут подавлены, кроткие превознесены, бедные насытятся, а гонимые восторжествуют. Благовещение Марии — точное предсказание блаженства, которое Христос провозгласит тридцать лет спустя. Тот же Дух, Который пророчествует в Ней, как и в Нем, возвестит новую эру, Царство «не от мира сего».

Мария находится в центре блаженств, составляющих тайну судьбы. Она изначально названа «благодатной, благословенной в женах», в то время как ее жизнь, мысля по-человечески, была лишь непрерывной цепью тревог

и страданий – от избияния младенцев до креста. Это ли те обещанные блаженства, смена ценностей, триумф кротких и униженных? Относится ли обещание преобразованного мира только к будущему существованию за пределом наших чувств и нашего понимания или же оно имеет отношение также и к нашей земной жизни?

Счастье Царства Небесного не зависит от обстоятельств нашей жизни или удовлетворения наших желаний и потребностей. Блаженные уже есть здесь, как и кроткие, чистые сердцем, миротворцы, алчущие и жаждущие правды, даже если исполнение обещаний произойдет в будущем. Это не обманное торжище, но опыт, который предлагается каждому.

Мария приняла, не переставая верить, разрыв между полученными обещаниями и реальными событиями Своей жизни. Для Нее, как и для Ее Сына, приношение начало проявлять свое действие лишь после смерти. Когда все уже было потеряно, жизнь забурлила – жизнь, все еще орошающая вены нашего мира, всегда готовая возродиться в иных формах на протяжении двух тысячелетий.

Царство Божие и принадлежит, и не принадлежит этому миру. Оно остается до конца времен. Оно предстанет, переделывается, следуя воле нашего повседневного выбора. Оно намечается в сердце, где происходит обращение ценностей. Оно здесь, на смиренной земле согласия, где изо дня в день вершится Господня воля – смерть, рождение, благовещение.

О Марии можно сказать, что она была пассивна, что она сделала только то, что претерпела Свою жизнь. В самом деле, Она как будто ничего не совершила Сама по Себе, кроме того, что говорила «да» в течение всей Своей жизни. Она приняла непостижимую судьбу Своего Сына, не стараясь никогда Его спасти. Она согласилась на опасность, страх, стыд, имея в перспективе не спасение семьи, но спасение мира.

Мы бухгалтерски подсчитываем наше бытие в графах «наличность» и «исполнение». Чтобы почувствовать,

что мы существуем, мы отдаем себя работе, карьере, семье – факторам, определяющим нашу жизнь. В Марии бытие и исполнение совпадают. Энергия, которую мы трансформируем во всякого рода деятельность, Она сконцентрировала в одном – исполнении Божественной воли. И в этом полном самоопустошении Она послужила вместилищем Святого Духа.

Творческое видение

Подобно тому как веер, распахиваясь, открывает перед нами то, что изображено на нем, подобно тому, как масло, содержащееся в семени, вызывает в определенный момент раскрытие своего цветка, который эту силу выражает, так и мы становимся тем, кто мы есть, согласно предустановленному образу. Сущность и становление, так же как свобода и необходимость, противоположны только в логике. В жизни они соединяются в разных узелках, подобно концам веревки, которые связывают, потянув сначала в разные стороны.

Существует определенное, идущее из глубины времен, постоянство в женщине как носительнице жизни и как созидательнице связей между людьми. Существует также эволюционное развитие. Раскрытие дарований и потенциальных возможностей женщин, относящихся к разным сословиям и занимающих различное положение, масштабность ответственности, которую они берут на себя во всех областях – реальность нашего века. Сегодня женщина самостоятельный человек и несет полную ответственность за себя. Она утверждает, более не противопоставляя себя мужчине, но отвечая потребностям жизни.

Мы не знаем, находимся ли в начале или в конце своей истории. Переживает ли человечество рассвет планетарного общества, когда оно сумеет, наконец, прокормить и воспитать миллиарды человеческих существ благодаря завоеваниям науки и тем громадным возможностям, которые предоставляет ему информатика, или же

нам угрожает исчезновение, связанное с отравлением морей, парниковым эффектом, озоновыми дырами и прочим? Никто не может этого сказать. Несомненно одно: впервые мы можем сделать выбор между жизнью и смертью, подходя к этой проблеме сознательно, в глобальной перспективе.

А в более коротком временном плане нам угрожает распад общества, обезличивание человеческих отношений, а во все более укрупняющихся городах – растущее одиночество людей и как его результат – рост наркомании, насилия и преступности.

На пороге цивилизации планетарного масштаба мы возвращены к элементарному, к азам жизни сообща. Как жить вместе сегодня? Как сохранить различия, не разрушая их? Как жить в единстве мужу и жене, соседям, нациям, расам и классам, где всем и каждому хочется одержать верх?

Ветры кружат вокруг нас в противоположных направлениях. Наука все более объединяет нас на ставшей маленькой Земле. Но различия наши проявляются все более четко, они обостряются. Как переносить друг друга, не ненавидя, не уничтожая? Как совместно жить на земле пяти миллиардам, если и двум миллиардам она кажется тесной?

Вместо того чтобы бороться за власть на рабочих местах, вместо карьерной конкуренции мужчины и женщины могут заключить союз и работать совместно над великим проектом.

Сегодня у нас, по всей видимости, нет такого проекта. Мечта о всеобщей справедливости и счастье, которая питала надежду миллионов людей почти целый век, рухнула, вызывая развал целых государств. Конечно, можно продолжать наращивать мощь своих стран, благодаря научным открытиям, не имея при этом конечной цели. Но действительно ли мы хотим всех этих завоеваний?

Так что же предложить? Так ли уж непродуктивна и безумна идея возвращения к Царству Небесному на земле, то есть миру, созданному согласно воле Творца? Про-

екты людей горделиво воздвигаются и рушатся. А проект Бога остается.

Какова же воля Его относительно этого мира? Как узнать ее иначе как через внушение свыше, настойчивое и терпеливое стремление прислушиваться к голосу, который говорит внутри нас? Непостоянство наших побуждений, практика перемены ценностей позволяют нам обнаружить эту волю и повиноваться ей.

Воля Бога – утверждение Царства Божия на земле. А на земле все противоречит этому Царству – всюду мы видим лишь торжество силы, эксплуатацию человека человеком. Атавистическая жестокость, живущая в наших сердцах, свободно проявляет себя в войнах, развязываемых во имя блага наций. Природные катастрофы и катаклизмы то тут, то там сметают, как солому, дома и людей. Голод истребляет то, что остается. Все свидетельствует о хаосе, беспорядке, случайности, тщете всех наших усилий. Ибо никогда не удастся обуздать разгул сил природы и зло в человеческом сердце. Где же порядок, где план? Бог сокрыт. Мы абсолютно свободны верить или не верить в Его существование, принимать или не принимать противные суждения. Так должно быть.

И лишь анализируя свою собственную жизнь и обращаясь к собственной совести, мы приходим к пониманию вероятности Божественного замысла. На своем низменном уровне мы открываем существование некой путеводной нити, воли, которая предшествует нам и схватывается в рукопашную с нашей свободой. Обстоятельства в ответственные моменты складываются неукоснительно для нашего спасения или для нашей гибели – Провидение бьет так же сильно, как и защищает.

С помощью веры мы входим в творческий замысел Бога, в его намерение относительно человечества. План Бога прослеживается в судьбе еврейского народа, с чередованием преданных и непокорных царей, в тех вехах истории, что даны нам в Ветхом Завете. Одни делали то, что «хорошо в глазах Господа», и получали для сво-

его народа мир и благословения, другие же делали то, что плохо, вызвав тем самым войны, раздел, ссылку, изгнания. Исход еврейского народа на протяжении двух тысяч лет и его возвращение на наших глазах в землю Обетованную представляется частями плана, действующего тысячелетия.

Как островок выступает на поверхности моря, так и Божественный промысел проявил себя в мире с приходом Христа. Погружаясь во вневременное видение Бога, пророки описали с интервалом в семь-восемь веков Того, Кто придет к нам, – смиренный, восседающий на осле, страдающий Человек, в Котором нет ни особой красоты, ни привлекающей взоры яркости, Который ни слова не отвечает на поругание, но Который восторжествует над смертью и Царству Которого не будет конца.

Вереница пророчеств – путь, уготованный Христу. В своей земной жизни он стал Тем, Кем остался в вечности. В Сыне образ Отца нашел свое полное воплощение.

И мы тоже – носители Божьего образа – можем войти в творческое намерение Господа Бога. Как Сын представляется людям абсолютным и непостижимым образом, так и Царство Его предлагается миру как конец одновременно недостижимый и необходимый. Что случилось бы с миром, если бы сквозь него не виделось Царство Божие?

Царство Божие от мира сего или не от мира сего? На земле оно проявляется через выбор и действия людей. Оно – одна из движущих сил истории, которая толкает мир к его свершению, всегда ожидаемому и отодвигаемому. При вневременной ясности Царства, при ночном молочном свете, который оно распространяет поверх людского крика и лесных пожаров, цивилизации следуют одна за другой, как волны под влиянием луны, подгоняемые дуновением Святого Духа.

Царство близко. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» По-гречески говорится: «Смените дух. Никто не войдет в Царство Божие, прежде, чем изменит свою духовную суть. Это единственное условие».

В Царстве Божием в соответствии с божественной алгеброй знаки меняют значение на противоположное. Минус становится плюсом. Самое малое превращается в самое большое. Человек, его личность имеют гораздо большую ценность, чем его дела. Вслед за Евой приходит Мария, а крест несет в себе воскресение.

Царство Божие – это вхождение свободы в сердце человека через прощение, освобождение от детерминизма человеческих страстей, начало совершенно новой истории.

Царство Божие – это мир единства, созвучности сердец. Снесены перегородки эгоизма. Рухнули стены непонимания и недоразумений. «Я ощущаю все, что ты чувствуешь, я ощущаю твою боль. Я слышу каждую из твоих мыслей в тишине слов без всякой речи. Нас больше ничто не разлучает. Как листья тополя в тесном единении под легким летним ветерком, мы трепещем вместе в бесконечном “да”. Все хорошо».

Мир следует делать и переделывать каждый день, с огромным напряжением, по образу и подобию Царства Божия, то есть мира, соответствующего воле Бога. Он завещан нам в своем постоянном обновлении. Уже сегодня к нам могут придти мысли, которые помогут его перерождению. Уже сейчас есть громадный потенциал для несуществующего, которое, однажды вызванное из небытия как некий абстрактный образ, воплотится в определенные формы.

Покой и движение сосуществуют в жизни человеческой, как и в жизни каждого человека. Захоронения, расположенные ярусами в сицилийских скалах над морем, рассказывают нам о жизни народов. Внешне эта жизнь выглядит одной и той же на протяжении тысячелетий. Всегда могилы, изображения богов, оружие, ожерелья и зерна. И тем не менее, это топтание на месте из века в век – тоже шаги в определенном направлении, ступени к объединению людей в единое целое.

Не правда ли, впервые мы видим себя извне, освобожденные от земной гравитации, вращаясь вместе с континентами и морями нашей голубой планеты? Впервые мы общаемся в один и тот же миг, видимые, слышимые, с одного края земли до другого. Через конвульсии и через насилие мы шагаем к единству.

На росписи потолка Сикстинской капеллы Бог прикосновением простертой руки дает жизнь человеку, и этот жест распространяется на все человечество, которое развивается миллионы лет.

Что мы знаем о вселенной? О жизни и смерти светил, о жизни и смерти людей? Творение живет и трепещет безгранично. Оно дышит, как единый организм. Оно бесконечно умирает и возрождается. Гигантская звезда только что взорвалась, это случилось 170 тысяч лет назад. Ее свет пробежал пространство, и сегодня, здесь, у себя мы приветствуем ее яркую смерть и вторжение на нашу землю мельчайших элементарных частиц, которые она только что испустила при взрыве. Какая высокая наука в недрах непознанного!

А что с нами? Две тысячи лет назад прозвучал голос апостола Павла: «...Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... совокупно стенает и мучится доныне» (Послание к Римлянам, глава 8, стихи 19, 22). И мы тоже, как и всякое творение Божие, несем в себе предпосылки духовного возрождения.

Это слово по-прежнему верно. Божественный свет, вспыхнувший две тысячи лет назад, сегодня доходит до нас. Мы пребываем в становлении. Новый мир обрисовывается в планетарном масштабе. Он страдает, бьется в спазмах и конвульсиях. Мы не знаем, что должно родиться. Но мы ждем с горячей надеждой откровения сынов Божиих.

Григорий Померанц

ПРИКОСНОВЕНИЕ К НЕЗРИМОМУ

Заканчивая чтение книги Элен Гизан, хочется прибавить несколько слов. Мы устали от опытов правильного устройства общества, в котором человек без внутренних усилий, только благодаря общественной собственности или свободному рынку постепенно становился бы прекрасным сыном, братом, мужем, гражданином. Мы начинаем понимать, что устройство общества — вовсе не главное, а главное начинается «с другого конца», с самого себя, с пробуждения ума сердца. Аглия Епанчина у Достоевского называла это «главным умом»; так она говорила о князе Мышкине, «идиоте». Каждый настоящий человек доходит до ума сердца, иначе он просто не сбывается.

Не может быть хороших отношений между несбывшимися людьми — ни в семье, которая основана на любви, ни в обществе. Без победы над внутренним хаосом нас вечно будет побеждать хаос внешний. Законы, учреждения, экономика — только помощники, иногда надежные, иногда плохие. Решающие сдвиги происходят только в человеческой душе. И книга Элен Гизан-Деметриадес — об этом. Об опыте жизни человека, дошедшего до своего глубокого сердца, где живет чувство вечности и помогает видеть Божественное целое в мире дробных, противоречивых, суетных истин.

Действительность не сводится к предметам, рассыпанным в пространстве и времени. Тот мир, который изучает наука, еще не весь мир. Другое его измерение — цело-

стное и вечное, Божье, незримое присутствующее во всем. Почувствовать это — значит связать «божественным узлом» drobный мир, где «существование другого — недопустимый скандал».

В каждой стране есть философия центробежная, описывающая реальность распада, и философия в духе Антуана Сент-Экзюпери. Книга Элен Гизан принадлежит к творчеству второго рода — благодатному центростремительному, противостоящему хаосу.

В своей книге Элен Гизан рассказывает, как ей удалось состояться. Она не считает себя профессиональным литератором. В молодости сотрудничала в литературном бюллетене, потом, после большого перерыва, стала писать статьи, близкие по духу книге «Незримое присутствие». Названия их говорят сами за себя: «Плодотворность поражения», «Иконы и идолы», «Видение и предвиденье», «Магия, или праздник Матерей». Двадцать лет Гизан вовсе ничего не писала — чувствовала в себе нарастание нового опыта, и ей не хотелось торопиться, высказывая его. Работая в движении «Моральное перевооружение», она пыталась помочь поискам мирного разрешения конфликтов XX века.

Термин «Моральное перевооружение», неловко звучащий по-русски, родился во времена бесплодных дискуссий на конференциях по разоружению в рамках Лиги наций, тянувшихся в 30-е годы. Бухман, входивший тогда в состав английской делегации, почувствовал пустоту дипломатической суеты в мире, полном ненависти, и однажды произнес об этом замечательную речь на пленарном заседании Лиги наций. Но звездный час его наступил после окончания второй мировой войны. Элен Гизан упоминает Горный дом в местечке Ко над Женеvским озером. Там летом 1946 года движение оформилось организационно и сразу же сделало важный шаг к преодолению ненависти между Францией и Германией, к победе духа примирения и прощения на развалинах старой Европы. Большую роль сыграло лич-

ное обаяние Фрэнка Бухмана, его неповторимые встречи с людьми, исполненными жгучей ненависти, гнева, обиды. Что из этого получилось, можно прочесть в его книге «Поспеть за Богом», изданной в Москве в 1997 году.

Элен Гизан пытается исходить из четырех принципов Бухмана: абсолютная честность, абсолютная чистота, абсолютное бескорыстие и абсолютная любовь; она проводит утренние часы в молчаливом созерцании, освобождая место Богу в своей душе. И шаг за шагом становится яснее путь: «Расти и преображаться согласно записанному в нас подобию».

Лучшие главы книги – «Материнство» и «Сила прощения». Пересказывать их невозможно – хочется выписывать все подряд. Очень интересна попытка отмежеваться от феминизма, высвободить то истинное, что в нем есть, от преувеличений. Гизан сближает женственность с тяготением к целостности, к целостному «быть» в противоположность бесконечно дробимому «иметь», «достигать» (к которому звал нас Фауст). Это характерно для Посленового времени, и в иные эпохи это действительно так: христианство захватило женщин прежде и больше, чем мужчин. Однако исповедники целостного и вечного в европейской философии Нового и Посленового времени – мужчины: Паскаль, Марсель, Сент-Экзюпери... Так и в других культурах – индийской, китайской, и в древних христианских апокрифах сказано: если не забудете различия между мужским и женским, не войдете в Царство.

Женщина физически и душевно тяготеет к цельности в любви: она зачинает, вынашивает, рождает, вскармливает свой плод. Но духовная целостность глубже любовной цельности и противостоит суете женских забот, как и суете мужских забот. Впрочем, вряд ли г-жа Гизан будет с этим спорить: мысль, которую я высказал, вытекает из всего духа книги.

Замечательно понимание любви как диалога двух, со-

единенных «неслиянно и нераздельно». Нет ссылок на философию диалога и не вспоминаются догматические определения, как навечно связаны Бог и человек в личности Христа, да это и не нужно. Элен Гизан находит собственные слова; они кристаллизуются из ее жизненного опыта. Присутствие Незримого – ее название того, что Мартин Бубер назвал бы духом диалога. Книгу Гизан хочется поставить рядом с трактатом Бубера «Я и Ты», разделом, где говорится о любви. Это живое изображение подобно духу любви витает над всем. Дух, который заставляет супругов воскликнуть в тупике спора: «Довольно! Наша любовь больше, чем то, о чем мы спорим!»

«Любовь в своей самой взыскательной и прочной форме – это игра втроем, где двое партнеров либо осознают, либо нет незримое присутствие Третьего, – пишет Гизан. – Оно всегда здесь, но его так мало признают, так мало знают, как к нему прибегнуть, приобщить его к своим действиям. Оно включено в раздачу карт, составляет часть любовной игры. Оно знает все карты, в любой момент может сказать, где козырь, какую вытащить карту, кто сплутовал, как вернуться на zero... Именно в конце жизни более, чем в ее начале, те, кто любят друг друга, достигают состояния полного единства... Если взглянуть назад, то станет видно, как сближаются их шаги и следы ведут на одну тропинку. Противоречия, охлаждения, напряженность, разлады, новые встречи – отныне только последовательные фигуры этого *pas de deux*, где мужчина и женщина следуют друг за другом, расходятся на некоторое расстояние, а затем воссоединяются, чтобы более не расставаться. Даже смерть не может их разлучить. Потому что таинственный Партнер следует за ними от одного берега к другому, и Его дела, Его невыразимые послания ткут над бездной, которая их разделяет, ткань новой жизни».

Любовь человеческая пронизана в книге дыханием Божественной любви. И углубляясь в себя, Гизан находит черты Божественного замысла, который человечество

призвано осуществлять. «Царство Божие и принадлежит, и не принадлежит этому миру. Оно остается до конца времен... Проекты людей горделиво воздвигаются и рушатся. А проект Бога остается». Это проект внутренней жизни, каждый день заново прикасающейся к целостности вечности; и из этих внутренних побед рождается победа бессмертия над бездной времени и пространства. И «цивилизации следуют одна за другой, как волны... подгоняемые дуновением Святого Духа».

Подводя итог книги, Гизан-Деметриадес вспоминает текст Евангелия на своем родном языке. В ее переводе это звучит так: «Смените Дух. Никто не войдет в Царство Божие, прежде чем изменит свою духовную суть. Это единственное условие».

Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея (ББИ)

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин. На конкурсной основе лучшим студентам выплачивается стипендия и предоставляется общежитие (для иногородних).

Сегодня ББИ - это:

- высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории Церкви, литургике и социальным дисциплинам,
- второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов,
- начальное и заочное богословское образование,
- научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты),
- издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал "Страницы" и альманах "Мир Библии"),
- радиопрограмма "Мост кистине".

Издательская программа ББИ

МИР БИБЛИИ. №№: 1 - 7

Иллюстрированный альманах.

СТРАНИЦЫ: богословие, культура, образование. Ежеквартальный журнал.

Серия «Современная библеистика»:

☒ ТЕКСТОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА.
Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.	☒ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ. Исследование природы первоначального христианства.
Джеймс Данн.
Перевод с английского.
☒ КАНОН НОВОГО ЗАВЕТА.
Происхождение, развитие, значение.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.	☒ ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ.
Историко-филологический комментарий. Гл. 1-8.
И. А. Левинская.
☐ РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОГО ЗАВЕТА.
Брюс М. Мецгер.
Перевод с английского.	☐ ТЕКСТОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА.
Эмануэл Тов.
Перевод с английского.
	☒ ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН.
Н. Я. Мерперт.
	☐ ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ.
Словарь. Перевод с английского.
	☐ ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЮ ВЕТХОГО ЗАВЕТА.
Дж. Вайнгрин.
Перевод с английского.

Серия «Богословие и наука»:

- ВЕРА ГЛАЗАМИ ФИЗИКА.**
Джон Полкинхорн.
Перевод с английского.
- РЕЛИГИЯ И НАУКА.**
История и современность.
Иен Барбур. Перевод с английского.
- ЭТИКА В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ.**
Иен Барбур. Перевод с английского.

Серия «Диалог»:

- ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ ДИАЛОГ.**
Хрестоматия. Составитель Хелен Фрай. Перевод с английского.
- ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ.** Проблемы диалога.
Хрестоматия. Составитель Алексей Журавский
- ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО.**
От конфронтации к диалогу.
Хрестоматия.
- ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЕДИНСТВУ.**
Богословский диалог между Православной церковью и Восточными православными церквями.
Составитель Кристин Шайо.
Перевод с английского.

Приложения к журналу «Страницы»:

- СБОРНИКУЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ББИ, 2000**
- ПРИМИРЕНИЕ.** Сборник материалов Колоквима в Крестовоздвиженском монастыре. Шеветонь, Бельгия, 1995
- КРЕЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ.** Сборник материалов Колоквима в Крестовоздвиженском монастыре. Шеветонь, Бельгия, 1998
- ПОИСКИ ЕДИНСТВА.** Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем. Сборник статей.
- 400 ЛЕТ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (1596–1996).** Критическая

переоценка. Сборник материалов международной конференции. Голландия, 1996

- СОБОРНОСТЬ.** Избранные статьи из журнала англикано-православного Содружества св.Албания и преп. Сергия (Оксфорда).
- КНИГА БЫТИЯ.** Новый перевод. Цв. илл.
—
- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ: Вторая половина XX века.**
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
- ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ.**
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ, РОССИИ И СССР.** Д. В. Поспеловский.
- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.**
Документы и фотоматериалы 1917-1941 гг.
Составитель: О. Ю. Васильева.
- МИР МЕГАЛИТОВ И МИР КЕРАМИКИ.** Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. Э. А. Лаевская.
- ЗОВ ПУСТЫНИ.** Биография малой сестры Магдалены Иисуса. Катрин Спинк.
Перевод с английского.
- РУКОПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.**
Епископ Каллист Уэр, Элизабет Бер-Сижель.
Перевод с французского и английского.
- РЕЛИГИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.**
Хрестоматия
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ.** Развитие евхаристического богословия на православном Востоке. Хью Уайбру.
Перевод с английского.

- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.**
Епископ Каллист Уэр.
Перевод с английского.
- ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ.
ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ.**
Аньет Кемпбелл.
Перевод с английского.
- НЕЗРИМОЕ ПРИСУТВИЕ.**
Элен Гизан-Деметриадес.
Перевод с французского.
- ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ
ИНДИВИДУАЛИСТ.** История жизни
одного финна.
Пол Гундерсен.
Перевод с английского.
- УРОКИ РАЗДУМЬЯ.**
Педагогика нравственного
развития.
Филипп Лобстейн
Перевод с французского.
- УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА.**
Пол Турнье.
Перевод с английского.
- ПРОРОК.**
Халиль Джибран.
Перевод с английского.

ИЗДАНИЯ ББИ МОЖНО ПРИБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

- «**Эйдос**» — Москва, Чистый пер., 6.
Тел.: (095)201-26-08
- «**Слово**» — С.-Петербург, ул. М. Конюшенная, 9.
Тел.: (812)311-20-75
- «**Библия для всех**» — С.-Петербург, ул. Лебедева, 31.
Тел./ф.: (812)541-86-88
- «**Руфь**» — Киев, ул. Мильчакова, 5А.
Тел./ф.: (044)516-84-87

ИЗДАНИЯ ББИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ:

Библейско-богословский институт св. апостола Андрея
ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 121019, Россия

Тел./факс: (095) 135-8292
Пейджер: (095) 974-7400, 788-0088
 для аб. «апостол Андрей»
E-mail: standrews@standrews.ru
Web-site: <http://www.standrews.ru>